

УИЛБУР СМИТ

АССЕТАЙ

Роман

The Big Book

Уилбур Смит

Асsegай

«Азбука-Аттикус»

2009, 2018

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Смит У.

Ассегай / У. Смит — «Азбука-Аттикус», 2009, 2018 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-21405-7

У Леона упрямый и независимый характер, как у всех мужчин в семье Кортни. Поссорившись с отцом, ушел из дому; завербовавшись в армию, нарушил приказ командира... Военный суд вынес ему оправдательный приговор, но теперь в послужном списке Леона «большая черная клякса», и его дядя, полковник Баллантайн, предлагает ему начать новую карьеру в британской военной разведке. В начале XX столетия Германия, имевшая обширные колонии в Восточной Африке, укрепила свою военную мощь и, по некоторым сведениям, готовилась к войне, поэтому британские спецслужбы усилили наблюдение за приграничными территориями. Леону, отличному охотнику и большому другу племени масаи, поручают сбор информации о передвижениях людей и техники у границы. Он работает под прикрытием как организатор сафари для высокопоставленных немцев. Вскоре в Африку приезжает поохотиться граф Отто фон Мирбах, известный промышленник, на чьих заводах строятся аэропланы и автомобили для кайзеровской армии. Но целью Мирбаха оказывается не только крупная дичь. Леон проникает в его замысел в тот момент, когда ему неоткуда ждать помощи и не у кого просить совета. Начинается большая охота, в которой преследователь и преследуемый могут внезапно поменяться ролями... Кортни и Баллантайны – в одном цикле о великолепной и грозной Африке!

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-21405-7

© Смит У., 2009, 2018

© Азбука-Аттикус, 2009, 2018

Содержание

Уилбур Смит	6
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Уилбур Смит Асsegай

Эта книга посвящается моей жене Мохинисо – с ней связано все лучшее, что случилось со мной в жизни

Wilbur Smith
ASSEGAI

Copyright © Orion Mintaka (UK) Ltd, 2009, 2018

Originally published in the English language in the UK by Zaffre, an imprint of Bonnier Books UK Limited

The moral rights of the author have been asserted
All rights reserved

Перевод с английского Сергея Самуйлова

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Так совпало, что 9 августа 1906 года, в день четвертой годовщины коронации короля Эдуарда VII – правителя Соединенного Королевства и Британских доминионов, императора Индии, – одному из верных подданных его величества, второму лейтенанту Леону Кортни из роты С 3-го батальона 1-го полка королевских африканских стрелков, или КАС, как называли их для простоты, исполнилось девятнадцать лет. В свой день рождения Леон выслеживал мятежных нанди вдоль Великой рифтовой долины, проходящей через центральную часть Британской Восточной Африки, по праву считавшейся жемчужиной империи.

Племена нанди – народ воинственный и весьма склонный к бунту. Спорадические восстания вспыхивали здесь на протяжении последних десяти лет, с тех самых пор, как верховный жрец и прорицатель объявил соплеменникам о грозной опасности: огромной, изрыгающей дым и пламя черной змее, что вторгнется в исконные земли нанди, неся смерть, разрушения и прочие беды. Едва только британская колониальная администрация занялась прокладкой рельсов железной дороги, протянуть которую планировалось от порта Момбаса на Индийском океане до берега озера Виктория, лежащего почти в шестистах милях от него, как нанди заволнова-

лись, посчитав строительство началом воплощения страшного пророчества, и тлевшие дотопле угля недовольства вспыхнули с новой силой. Еще сильнее они разгорелись, когда дорога достигла Найроби и повернула на запад, через Рифтовую долину, к озеру Виктория, пересекая земли племени.

Получив от губернатора колонии сообщение о начавшемся восстании и нападениях на изолированные аванпосты вдоль предполагаемого маршрута железной дороги, командир КАС, полковник Пенрод Баллантайн, с раздражением заметил:

– Что ж, полагаю, придется задать им хорошую взбучку.

И тут же, не тратя времени даром, поручил заняться этим расквартированному в Найроби 3-му батальону.

Будь у него возможность выбора, Леон Кортни провел бы этот день иначе. Среди его знакомых была некая молодая леди, мужа которой недавно задрал разъяренный лев, причем случилась трагедия на их кофейном поле, шамбе, в нескольких милях от новой столицы колонии, Найроби. Зная Леона как бесстрашного всадника и прекрасного игрока в поло, супруг означенной дамы пригласил его сыграть в своей команде под первым номером. Разумеется, офицер младшего звания не мог позволить себе содержать хотя бы десяток пони, но на выручку пришли несколько обеспеченных членов клуба, охотно предложивших спонсорскую помощь. В качестве члена команды покойного Леон имел – или по крайней мере убедил себя в том, что имеет, – определенные привилегии.

По прошествии некоторого времени, когда вдова, как предполагалось, оправилась от первого, самого острого шока потери, Леон, оседлав коня, отправился в шамбу, дабы самолично засвидетельствовать неизменное почтение и выразить приличествующее случаю соболезнование. Молодая леди, что стало для него приятным сюрпризом, пережила утрату с достойной уважения стойкостью, а траурное платье лишь подчеркивало ее очарование – среди знакомых Леону дам, пожалуй, не было особы столь притягательной и соблазнительной.

Едва взглянув на статного юношу – в перетянутом ремнями мундире, фетровой шляпе с полковой эмблемой (лев и слоновый бивень), в начищенных до блеска сапогах, – Верити О’Хирн, так звали молодую женщину, увидела в миловидных чертах и ясных, прямодушных глазах невинность и пыл, всколыхнувшие в ней некий женский инстинкт, который она поначалу приняла за материнский. На широкой тенистой веранде был подан чай и сэндвичи с острой соленой пастой «Джентльмен релиш». В присутствии хозяйки Леон смущался и робел, но вдова проявила великодушие, умело втягивала гостя в разговор, а мягкий ирландский акцент лишь добавлял ей очарования. Час пролетел незаметно. Когда он поднялся, хозяйка вышла с ним на крыльцо и подала на прощание руку:

– Пожалуйста, лейтенант Кортни, заходите еще, если будете поблизости. Одиночество порой становится таким тяжким бременем.

Ее негромкий низкий голос ласкал слух, а ладошка была нежная как шелк.

Обязанности младшего офицера многочисленны и нелемки, так что ответить на приглашение Леон смог только через две недели. Когда с чаем и сэндвичами покончили, хозяйка повела гостя в дом – показать охотничьи трофеи мужа, которые она желала бы продать.

– Супруг, к сожалению, оставил меня в стесненных обстоятельствах, и я принуждена искать на них покупателей. Я надеялась, что вы, как человек военный, быть может, просветите меня в отношении их стоимости.

– Буду счастлив, миссис О’Хирн, оказать вам любую помощь.

– Вы так добры. Я уже чувствую, что вы – мой друг и что я могу полностью вам доверять.

Слов для ответа не нашлось – Леон лишь смотрел в большие голубые глаза, поскольку к тому времени был полностью во власти ее чар.

– Могу ли я называть вас Леоном? – спросила вдова и, прежде чем он успел открыть рот, разразилась рыданиями. – О Леон! Я так несчастна и одинока.

С этими словами она упала в его объятия.

Он прижал вдову к груди – поскольку иначе ее было не успокоить. Миссис О’Хирн оказалась легкой как перышко, и ее прелестная головка так уютно устроилась на его плече. Потом Леон не раз пытался воссоздать в памяти дальнейшие события, но все смешалось в захлестнувшем его восторге. Он даже не помнил, как они оказались в ее комнате с большой железной кроватью, на пуховом матрасе которой молодая вдова открыла для него двери рая и навсегда повернула ту ось, вокруг которой вращалась жизнь юного лейтенанта.

Вот и теперь, по прошествии нескольких месяцев, ведя за собой под полуденным маршем отряд численностью в семь аскари, призванных на службу из местных племен, лейтенант Кортни думал не столько о возложенном на него поручении, сколько о соблазнительной груди Верити О’Хирн. Развернутым строем, с примкнутыми штыками, они бесшумно пересекали густую банановую плантацию, в глубине которой находилась резиденция окружного комиссара.

Замыкавший левый фланг сержант Маниоро негромко прищелкнул языком, и Леон, вырванный этим сигналом из будуара Верити, замер от неожиданности. Отдавшись грезам, он совершенно забыл о деле. Нервы мгновенно напряглись, как леса, натянутая крупным марлином, ушедшим резко в глубь синих вод пролива Пемба. Он поднял правую руку, приказывая остановиться, и шеренга аскари тоже замерла. Леон скосил глаз в сторону сержанта.

Имевший у масаи звание воина – моран, Маниоро являл собой прекрасный образчик этого гордого племени – высокий, выше шести футов, сухощавый и стройный, как тореадор, он и форму хаки, и феску с кисточкой носил с изяществом и щегольством африканского воина.

Поймав взгляд Леона, сержант кивком указал вверх.

Подняв голову, лейтенант увидел двух стервятников, крыло в крыло круживших над крышами бомы – усадьбы комиссара округа Ниомби.

– Вот дерьмо! – выругался шепотом Леон.

Беды он не ждал – очаг восстания, если верить последним сообщениям, находился примерно в семидесяти милях к западу, тогда как британский аванпост располагался во владениях масаи, за пределами территорий, традиционно считавшихся землями нанди. Поставленная перед Леоном задача сводилась к тому, чтобы силами отряда обеспечить охрану представительства, если пламя мятежа перекинется через племенные границы. Похоже, именно это и случилось.

Окружным комиссаром в Ниомби был Хью Тервей. Леон познакомился с ним и его женой перед Рождеством, на балу в «Клубе поселенцев» в Найроби. Будучи года на три или четыре старше Леона, Тервей управлял территорией размером с Шотландию. Хью заслуженно пользовался репутацией человека солидного и вряд ли позволил бы кучке разбушевавшихся дикарей захватить себя врасплох. Тем не менее кружившие над бомой стервятники не предвещали ничего хорошего.

Леон махнул рукой – заряжай! – и затворы шелкнули, загоня патроны калибра.303 в патронник длинноствольных «ли-энфилдов». Еще один сигнал – и отряд осторожно двинулся вперед рассыпным строем.

Всего две птицы, подумал Леон. Может, просто отбились от стаи. Случись что-нибудь, собралась бы вся... Впереди шумно захлопали крылья, и из-за соседней полосы банановых деревьев поднялся еще один стервятник. По спине прошел холодок. Если эти твари сели, значит где-то рядом пожива. Мертвечина.

Он снова поднял руку – стой! Ткнул пальцем в Маниоро – тот кивнул и двинулся дальше один. Сержант последовал за ним. И хотя крался лейтенант осторожно, практически бесшумно, он все равно потревожил еще нескольких падальщиков. В одиночку и парами, хлопая тяжелыми крыльями, поднимались они в голубое небо, присоединяясь к кружащим в вышине собратьям.

Выступив из-за последнего дерева, Леон снова остановился у края открытого плаца. Впереди блестели под солнцем сложенные из кирпича-сырца и обмазанные известью стены бомы. Передняя дверь главного здания распахнута настежь. На веранде и на плацу обломки мебели, мусор, бумажки – свидетельства разграбления.

Хью Тервей и его жена Хелен лежали распластавшись посреди двора, оба раздетые догола. Рядом их пятилетняя дочь. Девочку закололи ассегаем, коротким копьем с широким лезвием. Ей хватило одного удара в грудь. Кровь вытекла из тела через страшную рану, и кожа под яркими солнечными лучами казалась белой, как соль. Родителей распяли, загнав в руки и ноги заостренные деревянные колышки.

Похоже, кое-чему у миссионеров эти нанди все же научились, с горечью подумал Леон, пробегая цепким взглядом по периметру плаца. Удостоверившись, что повстанцы ушли, он осторожно, обходя мусор, сделал несколько шагов вперед. И без того жуткая картина выглядела вблизи еще ужаснее: Хью оскостили, у Хелен отрезали груди. В ранах успели похозяйничать стервятники. В рот каждому из супругов вогнали деревянные клинья. Подойдя к обезображенным телам, Леон в недоумении уставился на них, потом повернулся к приблизившемуся бесшумно Маниоро.

– А это зачем? – спросил он на кисуахили¹.

– Их утопили, – негромко ответил сержант.

Действительно, земля под головами убитых еще хранила следы пролитой и успевшей высохнуть жидкости. Присмотревшись, Леон заметил кое-что еще: ноздри супругов были забиты комочками глины – несчастных заставили дышать через рот.

– Утопили? – Лейтенант непонимающе покачал головой, но уже в следующее мгновение уловил в воздухе резкий запах мочи. – Нет!

– Да. Нанди часто поступают так с врагами. Мочатся им в рот, пока те не захлебнутся. Нанди – не люди, они павианы!

Маниоро произнес это с нескрываемым презрением к извечным врагам своего народа.

– Хотел бы я найти тех, кто это сделал, – пробормотал Леон, с трудом сдерживая вытесняющий отвращение гнев.

– Я найду их. Далеко они не ушли.

Лейтенант отвел глаза от омерзительного зрелища – перед ними возвышалась высоченная, в тысячу футов, стена разлома. Он снял шляпу и, не выпуская из руки револьвер, вытер влажный от пота лоб. Потом, с видимым усилием совладав с разбушевавшимися чувствами, заставил себя опустить взгляд.

– Сначала похороним убитых. Нельзя оставить их просто так, на корм птицам.

Короткий обход зданий ничего не дал – служащие, судя по всему, бежали при первых признаках опасности. Потом Леон отправил Маниоро и трех аскари на плантацию – проверить, не укрылся ли враг там, и выставить посты.

Раздав поручения, лейтенант направился в небольшой коттедж за главным зданием, где жила семья Тервей. Домик тоже подвергся разграблению, однако ему удалось найти в комодке чудом сохранившуюся стопку простыней, с которыми он и вернулся во двор.

Сначала Леон вытащил колышки из рук и ног супругов, потом клинья из разорванных ртов. Клинья загоняли без церемоний, ломая зубы и плюща губы. Смочив шейный платок водой из фляги, он вытер лица от засохшей крови и мочи и попытался выпрямить руки, но их уже сковало трупное коченение. Придав телам по возможности благопристойный вид, Леон завернул их в простыни.

¹ *Кисуахили* – «язык побережья», самоназвание языка суахили, одного из самых распространенных на Африканском континенте.

Земля была мягкой и влажной после прошедших недавно дождей. Пока лейтенант с тремя аскари стоял на страже, четверо других вырыли для семьи общую могилу.

На краю обрыва, чуть ниже линии горизонта, скрытые от взглядов снизу полоской кустарника, стояли, опершись на копыя и без малейших усилий балансируя на одной ноге – в позе отдыхающего аиста, – трое мужчин. Внизу под ними раскинулась Рифтовая долина – громадная равнина, необъятное пастбище, бурую гладь которого нарушали встречающиеся кое-где заросли колючих кустарников да рощицы акаций. Трава хоть и выглядела выгоревшей и пожухлой, служила хорошим кормом и высоко ценилась у масаи, пасших здесь свои стада. Правда, из-за недавнего восстания на соседних землях животных пришлось перегнать к югу, в более спокойные районы, – нанди испокон веку считались умелыми скотокрадами.

Эта часть долины оставалась в распоряжении дикого зверья, представленного здесь в великом множестве и разнообразии. Вдалеке, почуяв опасность, пугливо метнулся в сторону табун зебр – и взбитое копытами серое облачко пыли полетело стремглав над равниной. Темными пятнами на золотистом фоне казались сверху конгоны, гну и буйволы. Над плоскими верхушками акаций возвышались телеграфными столбами длинношеие жирафы. В колышущемся от зноя воздухе подрагивали, словно пританцовывая, кремовые пушинки – антилопы. Тут и там живую ткань мелкой живности разрывали толстокожие великаны – носороги и слоны, – похожие издали на катящиеся гулко черные вулканические камни. Казалось, океанские корабли проходят через косяки сардин.

От этого буйства дикой, первозданной жизни захватывало дух, однако для трех наблюдателей картина была обыденной и привычной. Куда больше их интересовала кучка тесно сбившихся домишек. Окружавшая крохотный поселок стена деревьев пышно зеленела благодаря бьющему у подножия источнику.

Старший из тройки щеголял в юбочке из леопардовых хвостов и головном уборе из пятнистой, золотистой, с черными пятнами шкуры того же зверя – подобные регалии полагаются верховному шаману племени нанди. Звали шамана Арап Самой, и именно он вот уже десять лет возглавлял восстание против белых захватчиков и их адских машин, угрожавших осквернить священные земли его народа. Лица и тела сопровождавших жреца воинов украшала боевая раскраска: нанесенные охрой красные круги вокруг глаз и грубые, напоминающие рваные раны мазки на щеках. Точки от жженого лайма на голой груди образовывали рисунок, имитирующий хохолок цесарки. Их юбки были сшиты из шкуры газели, головные уборы – из меха виверры и обезьяны.

– Мзунгу² и его псы-масаи попали в ловушку, – сказал Арап Самой. – Я рассчитывал на большее, но семь масаи и один мзунгу тоже неплохая добыча.

– Что они делают? – спросил, закрываясь ладонью от палящего солнца, стоявший справа от шамана вождь.

– Копают яму для той белой мрази, что мы им оставили, – усмехнулся Самой.

– Не пора ли насадить их на наши копыя? – осведомился третий воин.

– Пора, – согласился верховный жрец. – Только мзунгу оставьте мне. Я сам отрежу ему яйца и приготовлю из них снадобье. – Он тронул рукоять панги, висевшей на поясе из леопардовой шкуры. Такие ножи, короткие, с широким тяжелым лезвием, нанди пускали в ход в рукопашном бою. – Хочу, чтоб он визжал, как бородавочник в клыках леопарда. И чем громче будет орать мзунгу, тем сильнее получится снадобье.

² *Мзунгу* – человек европейского происхождения. Это слово среди народов группы банту имеет презрительный оттенок.

Жрец повернулся, поднялся на самую вершину склона и взглянул вниз, где в высокой траве терпеливо ожидали сигнала его воины. Самой вскинул руку, и импи³ молниеносно, но беззвучно, чтобы не выдать себя врагу, вскочили на ноги.

- Плод созрел! – провозгласил Самой.
- И ждет клинка! – хором отозвались воины.
- Спустимся же и соберем урожай!

Могила была готова принять приготовленный для нее дар. Леон кивнул Маниоро, и тот отдал своим людям негромкий приказ. Двое прыгнули в яму, остальные подали им завернутые в простыни тела. Два больших свертка положили бок о бок на земляное дно, маленький сунули между ними. Получилось трогательно – трое близких, навеки соединившихся в смерти.

Леон, сняв шляпу, опустил на колени у края могилы. Солдаты-масаи по приказу сержанта выстроились у него за спиной. Леон начал читать «Отче наш». Аскари не понимали слов, но знали их значение, поскольку уже не раз наблюдали такого рода церемонии.

- Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь! – закончил Леон.

Не успел он выпрямиться, как гнетущую тишину знойного африканского дня раскололи оглушающие вопли и крики. Бросив руку к висевшей на пояском ремне кобуре, из которой высовывалась рукоятка «уэбли», Леон оглянулся.

Из банановой плантации выкатилась шумная, улюлюкающая толпа. Темные, влажные от пота тела блестели на солнце. Воины нанди были повсюду – слева и справа, сзади и спереди. Они прыгали, скакали, пританцовывали и размахивали оружием, и солнечные блики тоже прыгали, отражаясь от наконечников дротиков и лезвий панги. Нанди колотили дубинками в щиты из сыромятной кожи. И вся эта дикая, орущая орава с каждым мгновением приближалась к крохотной группе солдат.

- Ко мне! – взревел Леон. – В строй! Заряжай! Заряжай! Заряжай!

Аскари моментально окружили его плотным кольцом, выставив винтовки с примкнутыми штыками. Мгновенно оценив ситуацию, Леон понял, что кольцо окружения вот-вот сомкнется и им не осталось ничего иного, как только отступить к главному корпусу, – беспорядочный строй атакующих разломился, достигнув здания, и еще не успел сомкнуться за ним.

- Огонь! – крикнул Леон.

Аскари выстрелили, но треск винтовок почти утонул в гуле голосов и грохоте колотушек. Упал только один из нанди – вождь, судя по головному убору из шкур колобуса. Голова его дернулась назад, наткнувшись на тяжелую свинцовую пулю, и из затылка вырвался фонтанчик крови.

Смерть вождя вроде бы остудила атакующий порыв нанди; наступающие на мгновение смешались, однако их подстегнул злобный крик державшегося в арьергарде шамана. Заметив человека в леопардовой шкуре, Леон сразу решил, что это и есть предводитель мятежников, тот самый шаман по имени Арап Самой. Лейтенант торопливо, не целясь, выстрелил в него из револьвера, но их разделяло не менее пятидесяти шагов, а короткоствольный «уэбли» все-таки оружие ближнего боя. Ни одна из пуль в цель не попала.

- Ко мне! – снова крикнул Леон. – Сомкнуть строй! Теснее! За мной – бегом!

Он первым устремился в узкую брешь между двумя крыльями приближающегося противника. И им почти удалось добежать до главного здания, когда нанди поняли, что происходит, и поспешили наперерез. Еще секунда-другая, и стороны схватились в рукопашной.

– Штыками! – скомандовал Леон и выстрелил в гримасничающую физиономию, которая внезапно возникла перед ним.

³ *Импи* – воинские отряды, или армия на зулусском языке.

Нанди упал, и его место тут же занял другой. Маниоро вонзил ему в грудь штык и перепрыгнул через падающее тело. Леон рванулся за сержантом. До ступенек веранды оставалось несколько шагов, однако, чтобы добраться до порога, им на двоих пришлось свалить еще трех нанди – кого-то штыком, кого-то пулей. К этому моменту из всего отряда только они двое и остались на ногах – остальные валялись на земле, пронзенные копьями.

Взлетев с разбегу на веранду, лейтенант нырнул в большую комнату. За спиной у него Маниоро захлопнул тяжелую дверь. В следующий момент они были у окон и палили в нанди. Не прошло и нескольких секунд, как на ступеньках лежало с полдюжины тел – столь убийственно точен был их огонь. Встретив жесткий отпор, нанди отхлынули от двери и обратились в бегство, рассеиваясь по плантации.

Проводив неприятеля взглядом, Леон принялся перезаряжать револьвер.

– Сколько у тебя патронов? – обратился он к Маниоро, стоявшему у другого окна.

Рукав сержанта был рассечен ударом панги, но кровь уже остановилась, и воин-масаи не обращал на рану внимания.

– Две обоймы, бвана⁴, – ответил он, открывая затвор и неспешно закладывая патроны в магазин. – Но там есть еще.

Маниоро выглянул в окно. Шесть его соплеменников пали на плацу и сейчас лежали там среди полуголых врагов. У каждого из масаи остался почти полный патронташ.

– Выйдем и заберем патроны, пока нанди не опомнились, – решил Леон.

Маниоро, закончив снаряжать магазин, закрыл затвор и прислонил винтовку к подоконнику.

Лейтенант сунул в кобуру револьвер и тоже подошел к двери. Несколько секунд они просто стояли у порога, набираясь решимости для рискованной вылазки. Сержант посмотрел ему в глаза, и Леон ободряюще усмехнулся. Хорошо все-таки, что рядом не кто-то, а именно Маниоро. Они были вместе с тех самых пор, как он прибыл из Англии и поступил в полк. Прошел всего лишь год, но за это время у них сложились крепкие отношения.

– Готов?

– Готов, бвана.

– Вперед, стрелки!

Леон распахнул дверь, и они выскочили из дома. Ступеньки были скользкие от крови и завалены телами убитых; лейтенант перепрыгнул через неожиданное препятствие и рванул к ближайшему аскари. Подбежав, упал на колени, быстро расстегнул ремень, стащил тяжелые ленты и перебросил через плечо. На все ушло несколько секунд. Леон метнулся к другому убитому, и тут со стороны банановой плантации донеслись громкие, злобные крики. Не обращая внимания на шум, он упал рядом со вторым солдатом и поднял голову только после того, как перекинул через плечо еще один патронташ. Нанди уже подбегали к плацу. Лейтенант вскочил.

– Назад, в дом! Быстрее! – крикнул Леон обвешанному лентами сержанту, который продолжал собирать боеприпасы.

Лейтенант задержался подобрать винтовку, валявшуюся неподалеку от мертвого солдата, и лишь потом побежал к веранде. У ступенек он оглянулся – Маниоро отстал на несколько шагов, а первые нанди уже достигли плаца и быстро приближались.

– Едва успели! – выдохнул Леон и вдруг увидел, что один из преследователей снимает с плеча тяжелый лук, – с такими обычно выходили охотиться на слонов. Холодок тревоги пробежал по спине. Нанди были умелыми лучниками. – Беги, черт возьми, беги! – крикнул он, потому что нанди достал длинную стрелу и натянул тетиву так, что оперенье коснулось губ. В следующее мгновение лучник разжал пальцы, и стрела бесшумно устремилась по невысокой дуге вперед, к цели – незащищенной спине Маниоро. – Берегись!

⁴ *Бвана* – начальник, господин; обращение к вышестоящему лицу на суахили.

Конечно, предупреждение запоздало, и ему оставалось только наблюдать.

– Боже... – успел прошептать Леон. – Боже, не надо!

В какой-то момент показалось, что стрела разминется с целью, просто не долетит – уж больно резко она нырнула... Надежда прожила лишь долю секунды. Подстегнутый отчаянным желанием помочь, лейтенант дернулся и... остановился. Самого удара Леон не увидел – стрела ударила в Маниоро сзади, – зато услышал глухой звук рвущейся плоти. Сержант оглянулся – длинный наконечник глубоко вошел в бедро – и попытался сделать шаг, но раненая нога подвернулась. Леон сбросил с плеча патронные ленты, швырнул их и винтовку в открытую дверь и побежал назад. Маниоро прыгал ему навстречу, волоча ногу, из которой торчало, покачиваясь, тонкое древко. Вторая стрела просвистела на расстоянии ладони от уха – Леон вздрогнул, ощутив движение воздуха, – и ударилась в стену веранды.

Добежав до сержанта, он обхватил его правой рукой, взвалил на спину и поспешил к дому. Удивительно, но при высоком росте масаи оказался очень легким. Лейтенант весил фунтов на двадцать больше, и это были двадцать фунтов мышц. Сил добавляли страх и отчаяние. Добравшись до веранды, он без особых церемоний свалил Маниоро в дальний угол и сам одним прыжком перемахнул через стену. Вокруг стучали стрелы. Не обращая на них внимания, Леон легко, как ребенка, поднял масаи на руки и протиснулся вместе с ним в дверь. А секундой позже нанди добежали до стены.

Леон опустил Маниоро на пол, схватил винтовку, которую забрал у мертвого аскари, повернулся, успев загнать патрон в патронник, и через оставшуюся открытой дверь выстрелил во влезшего на веранду нанди. Потом передернул затвор и выстрелил еще раз. И еще. Когда патронов в обойме не осталось, Леон захлопнул дверь. Сделана она была из толстых, тяжелых досок красного дерева; прочная рама глубоко сидела в стене. Тем не менее и она содрогнулась под натиском разъяренных нанди. Леон выхватил револьвер и дважды выстрелил через дверь. С другой стороны донесся короткий крик боли. И тишина. Леон ждал. За дверью пошептались, босые ноги прошлепали по деревянному полу веранды... Внезапно в одном из окон появилась раскрашенная физиономия. Леон вскинул руку с револьвером, но спустить курок не успел – за спиной у него грохнула винтовка. Голова исчезла.

Лейтенант оглянулся – Маниоро как-то прополз через комнату до противоположной стены и даже поднялся, опираясь на винтовку, которую, выходя пару минут назад, оставил у подоконника. Сержант выстрелил еще раз. Леон услышал чавкающий звук пули и, мгновение спустя, плотный удар упавшего тела.

– Моран! Воин! – пропыхтел он.

Масаи улыбнулся, принимая комплимент:

– Не сваливай на меня всю работу, бвана. Прикрой второе окно.

Леон убрал в кобуру револьвер, схватил винтовку и подбежал к открытому окну. Он даже успел снарядить магазин – две обоймы по пять патронов. Ему нравился «ли-энсфилд» – держать в руках такое оружие одно удовольствие. Встав у окна, он открыл беглый огонь. Маниоро поддержал командира, и нанди, никак не ожидавшие такого отпора, резво очистили плац, укрывшись за банановыми пальмами.

Сержант медленно сполз на пол и, прислонившись к стене, вытянул ноги, положил раненую на здоровую, чтобы торчащая из бедра стрела не касалась пола.

Еще раз выглянув в окно и убедившись, что враг отступил и на плацу никого не осталось, Леон подошел к Маниоро и, присев на корточки, осторожно потянул стрелу за древко. Воин моргнул. Леон потянул чуть сильнее, но зазубренный наконечник сидел прочно и не поддавался. Сержант не издал ни звука, не скрипнул зубами, только по лицу катился и падал на тунику крупный, с горошину, пот.

– Вытянуть не смогу, – сказал Леон. – Придется обломать древко, а ногу перевязать.

Маниоро посмотрел на него пристально и без всякого выражения, потом широко улыбнулся, показав ровные белые зубы. Мочки ушей у него были проколоты еще в детстве, дырочки затем растянули, и теперь в них висели костяные диски, придававшие лицу лукавое и даже немного проказливое выражение.

– Вперед, стрелки! – ответил он, подражая лейтенанту, и это прозвучало так неожиданно, так странно, с легким пришепетыванием, что Леон негромко хохотнул и тут же, воспользовавшись моментом, переломил тростниковое древко близко к тому месту, где оно выступало из сочащейся кровью раны.

Маниоро зажмурился, но стерпел молча.

Перевязочный материал лейтенант нашел в патронной сумке, которую принес с плаца, взяв у убитого аскари. Рану он постарался перемотать поплотнее, чтобы обломок по возможности не смещался, а закончив работу, выпрямился и оценил ее критическим взглядом. Потом снял с пояса фляжку с водой, сделал несколько глотков и протянул ее Маниоро. Масаи заметно смутился: аскари не полагалось пить из офицерской фляжки. Леон нахмурился и настойчиво сунул ее в руку сержанту:

– Пей, черт тебя дери! Это приказ!

Маниоро откинул голову и, высоко подняв бутылку, наклонил ее так, чтобы вода лилась в рот, а горлышко не касалось губ. Кадык подпрыгнул три раза – масаи сделал три глотка, после чего туго забил пробку и вернул бутылку Леону:

– Слаще меда.

– Как только стемнеет, будем выбираться, – сказал Леон.

Маниоро ненадолго задумался.

– Куда пойдешь?

– Мы пойдем той же дорогой, какой и сюда шли. – Лейтенант выделил «мы». – Надо обязательно вернуться к железной дороге.

Маниоро усмехнулся.

– Что тебя рассмешило, моран? – нахмурился Леон.

– До железной дороги никак не меньше двух дней, – напомнил Маниоро и, покачив головой, многозначительно провел ладонью по повязке. – Ты пойдешь один, бвана.

– Уж не надумал ли ты дезертировать? Знаешь, это ведь серьезное преступление, за него расстреливают и... – Леон не договорил, – уловив движение за окном, он схватил винтовку и трижды выстрелил в сторону плаца. По крайней мере одна пуля нашла живую цель – кто-то зло вскрикнул от боли. – Павианы! – проворчал он. На кисуахили сравнение с этой обезьяной считалось оскорбительным. – И сыновья павианов. – Он положил винтовку на колени, потянулся за патронташем и, не глядя на масаи, добавил: – Пойдем вместе. Я тебя понесу.

– Ты понесешь меня, бвана? – вежливо спросил Маниоро и, насмешливо улыбнувшись, добавил: – А ты не забываешь, что нас будут преследовать? И что, будешь нести меня все два дня? Ты это хочешь сказать? Я не ослышался?

– Да. Но может быть, мой умудренный опытом и остроумный сержант предложит лучший план? – вопросом на вопрос ответил Леон.

– Два дня! – Маниоро закатил глаза. – В таком случае мне стоит называть тебя лошадю. Немного помолчали. Первым снова заговорил Леон:

– Говори же, о мудрейший. Дай совет.

Помолчав немного, Маниоро кивнул:

– Земля, на которой мы сейчас, принадлежит не нанди. Здесь пастбища моего народа. Эти подлые трусы вторглись во владения масаи.

Леон кивнул. На его карте границ, о которых говорил Маниоро, разумеется, не было, и в полученном им приказе ни о каких разграничениях речи не шло. Начальство, скорее всего, не имело ни малейшего представления о тонкостях межплеменного территориального разме-

жевания, однако до начала восстания Леон не раз бывал в этих местах, когда их высылали в пешие патрули.

– Это я знаю – ты сам мне объяснял. А теперь расскажи, какой у тебя план.

– Если ты пойдешь к железной дороге...

Леон поднял руку:

– Ты хочешь сказать – если мы пойдем к железной дороге.

Маниоро едва заметно склонил голову в знак согласия:

– Если мы пойдем в том направлении, то покинем наши земли и углубимся во владения нанди. Они осмелеют и будут преследовать нас, как стая голодных гиен. А вот если двинемся по долине, – Маниоро указал подбородком на юг, – то останемся на земле масаи и каждый наш шаг будет добавлять страху в трусливые сердца нанди. Далеко они не пойдут – не осмелятся.

Леон, обдумав предложение сержанта, с сомнением покачал головой:

– На юге ничего нет, только лес и горы, а мне нужно поскорее доставить тебя к врачу, пока рана не загноилась. Тогда придется отрезать ногу.

– До маньяты⁵, где живет моя мать, отсюда день пути, – сказал Маниоро.

Вот так сюрприз! На секунду Леон опешил – мысль о том, что у сержанта есть родители, почему-то не приходила ему в голову, – потом, оправившись от удивления, вздохнул:

– Ты не понял. Нам нужен доктор, человек, который сможет вытащить стрелу и не даст тебе умереть.

– Лучшего доктора, чем моя мать, здесь не найти. Она знаменитая шаманка, и ее знают все, от океана до больших озер. Она спасла сотни моранов, раненных копьем или стрелой или пострадавших от когтей льва. У нее есть снадобья, которые и не снились вашим белым докторам в Найроби.

Маниоро прислонился к стене. Кожа его приобрела нездоровый сероватый оттенок, и в запахе пота проступала неприятная, кисловато-тухлая нотка. Секунду-другую мужчины молча смотрели друг на друга, потом Леон кивнул:

– Ладно. Пойдем на юг, по долине. Тронемся, как только стемнеет, пока не взошла луна.

Маниоро снова выпрямился и, вытянув шею, поводил носом, как делает охотничий пес, улавливая далекий, едва различимый запах.

– Нет, бвана. Если пойдем, то выходить надо прямо сейчас. Ты разве не чувствуешь?

Леон втянул влажный солоноватый воздух.

– Дым, – прошептал он. – Эти свиньи решили выкурить нас отсюда. – Он посмотрел в окно. На плацу никого не было, но это не значило, что нанди ушли. Скорее всего, они уже подобрались к дому с тыльной стороны, где окон не было вовсе. Лейтенант взглянул на густую стену банановых пальм – листья едва заметно подрагивали под легким ветерком. – Ветер с востока, это нам на руку. – Он перевел взгляд на Маниоро. – Захватим только самое необходимое, ни унции лишней. Винтовки и патронташи придется оставить. Возьмем по штыку и по фляжке воды. Больше ничего. – С этими словами лейтенант связал три поясных ремня и перекинул петлю через голову на правое плечо. Потом подобрал фляжку, поднес к уху, встряхнул. – Меньше половины. – Он перелил воду из других фляжек в свою и Маниоро. – Что не влезло, выпьем сейчас.

Сказано – сделано. Оставшуюся воду выпили.

– Ну, сержант, вставай. Пора уходить.

Леон обнял масаи за плечи и помог подняться. Стоя на здоровой ноге, Маниоро повесил на пояс фляжку и прицепил штык. Что-то тяжелое упало на крытую тростником крышу прямо у него над головой.

– Факелы, – буркнул Леон. – Подобрались к дому сзади и теперь бросают факелы.

⁵ Маньята – деревня масаи.

За первой головней прилетела вторая. Запах горелого резко усилился.

– Надо поторапливаться.

Тонкое щупальце черного дыма вытянулось вдоль окна, свернулось и, подхваченное ветром, поплыло наискосок через плац, к банановой плантации. Издалека донеслись возбужденные крики – серая завеса на мгновение рассеялась и тут же сгустилась, скрыв от глаз осажденных не только банановую плантацию, но и плац. Пламя затрещало, разгораясь, заревело глухо, и в этом реве утонули даже восторженные вопли нанди. Горячий, удушающий дым хлынул в комнату. Леон оторвал полоску от полы рубашки и протянул Маниоро.

– Прикрой лицо! – распорядился он, подтягивая на нос шейный платок. – Пошел!

Лейтенант легко перебросил воина-масаи через подоконник и сам прыгнул вслед за ним.

Вместе (Маниоро прыгал на одной ноге, опираясь на плечо лейтенанта) они быстро добрались до подпорной стены в углу веранды, перелезли через нее и остановились, пытаясь сориентироваться в плотной дымной пелене. Охваченная огнем крыша стреляла искрами, больно жалившими обнаженную кожу рук и ног. Держась спиной к ветру, Леон потянул сержанта за собой. Оба задыхались, дым резал глаза, по щекам ползли слезы. Кашель рвался из горла, и они сдерживали его, прижимая ко рту пропитавшиеся потом тряпицы. А потом в дыму проступили деревья.

Легче не стало. Шли на ощупь, держа наготове штыки, зная, что враг может выскочить в любую секунду. Мало-помалу Маниоро начал слабеть, и Леон понял, что выдержать заданную им скорость масаи не в силах, – с каждым шагом сержант все больше и больше не просто опирался, а наваливался на его плечо.

– Останавливаться нельзя, пока не оторвемся, – шепнул он.

– Я и на одной ноге тебя обскочу, – тяжело выдохнул масаи.

– Уж не хочет ли великий хвостун Маниоро предложить пари на сотню шиллингов?

Ответить сержант не успел – Леон схватил его за руку, и они замерли, оглядываясь, прислушиваясь. Тишина. Потом чей-то сухой, надсадный кашель.

Лейтенант убрал с плеча руку Маниоро и одними губами прошептал:

– Жди здесь.

Он пригнулся и, держа в правой руке штык, осторожно двинулся в направлении звука. Убивать человека вот так, собственными руками, ему еще не приходилось, но как это делается, Леон знал, и само движение отработывал много раз под наблюдением инструктора. Вот! Силуэт маячил прямо перед ним. Леон прыгнул и с такой силой врезал нанди в висок рукоятью штыка, что тот упал на колени. Прежде чем враг успел опомниться и позвать на помощь, его горло оказалось в тисках замка. Нанди не собирался сдаваться. Намазанный пальмовым маслом, скользкий, как рыба, он вертелся, лягался и отбивался, как только мог. В какой-то момент ему даже удалось вывернуться и освободиться от захвата, тогда Леон обхватил его правой, той, в которой был штык, рукой и ткнул лезвием под ребра. Стальной клинок вошел в плоть на удивление легко.

Нанди задергался и попытался крикнуть – из горла вырвался лишь приглушенный хрип. Штык вошел глубже, и Леон, повернув кисть, взрезал грудную полость. Тело забило в конвульсиях, изо рта ударила струя темно-красной крови. Леон не мог убрать руку, и кровь потекла по рукаву; капли попали даже на лицо. Нанди судорожно вздохнул в последний раз и обмяк.

Леон подержал тело еще несколько секунд, потом, убедившись, что враг мертв, оттолкнул его и, чуть пошатываясь, вернулся к тому месту, где оставил Маниоро.

– Идем! – прохрипел он, и они пошли дальше – спотыкаясь, покачиваясь, вцепившись друг в друга.

Земля вдруг ушла из-под ног, и они, не удержавшись, покатались по крутому и скользкому глинистому склону – к мелкой речушке. Дым здесь был пожиже, но еще больше Леона порадовало, что он не ошибся в выборе направления: ручеек протекал к югу от бомы.

Лейтенант опустился на колени, зачерпнул пригоршню воды, плеснул в лицо. Потом промыл глаза и стер с рук чужую кровь. Напившись, прополоскал рот, сплюнул. В горле горело и саднило.

Оставив Маниоро внизу, Леон вскарабкался по склону и с минуту всматривался в дымную пелену, прислушиваясь к доносившимся издали, приглушенным расстоянием голосам. Полежав еще немного, набравшись сил и убедив себя, что нанди не вышли на их след и преследования можно не опасаться, он соскользнул вниз.

Маниоро, понутившись, сидел на мелководье.

– Дай-ка посмотреть на твою ногу.

Леон сел рядом с сержантом. Повязка промокла и испачкалась в грязи. Он размотал тряпицу. Рана выглядела намного хуже: бедро сильно распухло, обломок сместился, рваная плоть потемнела.

– Чудненько, – пробормотал Леон, осторожно ощупывая ногу под коленом.

Маниоро не проронил ни звука, только зрачки расширились от боли, когда лейтенант дотронулся до чего-то засевшего глубоко под кожей.

Леон тихонько присвистнул.

– И что это у нас здесь? – Он провел пальцем по чужеродному телу. Маниоро вздрогнул. – Наконечник стрелы. Вошел сзади и прошел почти насквозь.

Представить, какие мучения терпел масаи, было нетрудно, и лейтенанту стало не по себе – он ничем не мог облегчить страдания подчиненного. Не зная, что делать, он посмотрел в небо. Вечерний ветерок почти рассеял дым, за уплывающими клочьями которого проступала западная вершина эскарпа, охваченная пламенем слабеющих лучей опускающегося солнца.

– Думаю, на какое-то время они нас потеряли. Скоро стемнеет. – Леон помолчал, не решаясь смотреть в глаза Маниоро. – Тебе надо отдохнуть, набраться сил к ночному переходу.

Глаза еще резало от дыма, и он крепко зажмурился, но уже через несколько минут встрепенулся, услышав донесшиеся со стороны бомы голоса.

– Они взяли наш след! – прошептал Маниоро.

Нанди прочесывали банановую плантацию, негромко переключаясь, как преследующие раненого зверя охотники. Леон понял, что обрадовался слишком рано. Башмаки продавливали слишком глубокие отпечатки на мягкой земле, и обнаружить их не составляло большого труда. Спрятаться было негде, и лейтенант, сняв с пояса штык, снова пополз вверх по склону. Если нанди увидят их, нужно, по крайней мере, быть поближе к врагу, чтобы напасть первым и воспользоваться преимуществом внезапности. Может быть, ему и удастся справиться с двумя или тремя еще до того, как они успеют подать сигнал тревоги и призвать на помощь остальных. Голоса приближались, они звучали у самого склона, и Леон напрягся, готовясь выскочить из укрытия, но тут со стороны бомы донеслись возбужденные крики, и нанди, бывшие в нескольких шагах от него, заволновались, остановились и... побежали назад.

Лейтенант сполз к речке, где его ждал Маниоро.

– Я уж решил было, что игра подошла к концу.

Он присел рядом с масаи, чтобы сменить повязку.

– Почему они ушли?

– Думаю, нашли того парня, которого я убил. Но долго они там не задержатся. Скоро вернутся.

Он помог Маниоро подняться, положил его правую руку себе на плечо, обнял левой и потащил вверх, на другой берег реки.

Остановка у ручья не добавила Маниоро сил. Скорее наоборот. Разорванные мышцы заоченели, и когда он попытался опереться на раненую ногу, она подвернулась, и масаи наверняка упал бы, не подхвати его Леон.

– Вот теперь ты и впрямь можешь называть меня лошадей.

Лейтенант нагнулся и взвалил Маниоро на спину. Согнутая в колене нога повисла, и масаи крикнул от боли, но тут же взял себя в руки и не проронил больше ни звука. Леон поправил ремни и выпрямился. Маниоро сидел высоко, с торчащими вперед ногами – как обезьянка на шесте. Леон подхватил ноги снизу, словно ручки тачки, и зашагал к подножию эскарпа. Плантация кончилась, и скрывавшая их доселе завеса дыма расползлась на бледно-серые полосы, однако солнце опустилось, повиснув, словно огненный шар над вершиной склона, и тьма постепенно сгущалась.

– Четверть часа, – прошептал Леон. – Всего четверть часа. Больше нам и не надо.

Они уже достигли растущего у подножия стены буша, достаточно высокого, чтобы служить прикрытием для двух беглецов. Помогали и особенности рельефа, неразличимые изда-лека складки местности. Леон находил их, руководствуясь чутьем охотника и солдата. Оптимизма прибавилось, когда солнце соскользнуло за край эскарпа, и тьма накрыла их уютным пологом, скрывая от преследователей. От погони они, похоже, оторвались, но Леон понимал, что радоваться еще рано. В ложине лейтенант опустил на колени и осторожно, чтобы не потревожить Маниоро, перекатился на бок. Некоторое время лежали молча, не шевелясь, потом Леон медленно, с трудом распрямляя спину, сел и расстегнул ремни, чтобы сержант мог вытянуть ноги. Вытащив из фляжки пробку, он сначала передал ее Маниоро, потом напился сам и лишь затем растянулся на траве. Боль раскатилась по телу – спина и ноги требовали отдыха, умоляли о передышке.

– Это только начало, – буркнул Леон себе под нос. – Вот к завтрашнему утру станет по-настоящему хорошо.

Он закрыл глаза, но через минуту зашевелился – свело икроножную мышцу, – сел и принялся растирать ногу.

Лежавший рядом Маниоро дотронулся до его руки.

– Я благодарю тебя, бвана. Ты силен и крепок, но ты и не глупец, а умереть здесь обоим было бы глупостью. Дай мне револьвер и иди дальше один. Я останусь здесь и задержу нанди, если они попытаются преследовать тебя.

– Хватит ныть! – сердито оборвал его Леон. – Ты не баба! Еще и не начинали, а ты уже готов сдаться. Забирайся-ка поскорее мне на спину и пойдем дальше, пока я не плюнул на тебя.

Он понимал, что излишне суров к сержанту, не заслужившему таких упреков, но ему было страшно и больно.

На сей раз Маниоро устраивался дольше. Первая сотня шагов далась Леону тяжело, казалось, ноги вот-вот не выдержат и подломятся. Постепенно злость на Маниоро обратилась злостью на себя самого. Надо еще посмотреть, кто тут баба. Уж не ты ли, Кортни? Усилием воли лейтенант изгонял боль и усталость из гудящих от напряжения мышц, чувствуя, как ноги снова наливаются крепостью и силой. «Не спеши, по шажку, – приговаривал он про себя, отрывая ногу от земли и перенося ее вперед. – Вот так. Молодец. Теперь еще шажок. И еще».

Он знал, что если остановится передохнуть, то больше не сможет заставить себя тронуться с места, а потому шел и шел, пока не увидел месяц над восточным краем Рифтовой долины. Теперь лейтенант шел, наблюдая за луной, и ее продвижение по небу стало для него мерой времени, как удары колокола. Маниоро притих и не шевелился, но Леон знал, что он жив, потому что чувствовал горячий жар прижавшегося к потной спине тела.

Достигнув зенита, луна поползла вниз, к высокой черной стене справа от него, и под деревьями зашевелились странные, пугающие тени. В какой-то момент вдруг привиделся вставший из травы лев с длинной черной гривой. Рука дернулась к револьверу, но прежде, чем лейтенант успел взять зверя на мушку, тот исчез, перевоплотившись в термитник. Леон смущенно рассмеялся:

– Ну ты и дурак! Не хватало только увидеть эльфов и гоблинов!

Дальше он шел, сжимая в руке револьвер, а воображение продолжало выкидывать фокусы – фантомы появлялись и исчезали. Потом луна как будто остановилась, повиснув на середине неба, и силы оставили его совсем, вытекли, как вытекает меж пальцев вода. Леон пошатнулся, едва не упал и только громадным усилием воли заставил себя удержаться и не потерять равновесия. С минуту он стоял, широко расставив ноги и опустив голову, понимая, что не в состоянии сделать больше ни шагу. Все. Кончено.

На спине зашевелился Маниоро. И не просто зашевелился – масаи вдруг запел. Поначалу Леон не понял слов – голос Маниоро был всего лишь прерывистым дыханием, легким, как колышущий траву утренний ветерок, – а потом в оступевшем от усталости мозгу зазвучало эхо Песни львов. Леон плохо знал язык маа, на котором говорили масаи, и тому немногому, что знал, был обязан Маниоро. Язык был сложный, с множеством нюансов, не похожий на другие, но сержант оказался терпеливым учителем, а Леон способным учеником.

Песне львов юных воинов-масаи учили перед обрядом инициации. Церемония сопровождалась танцем, во время которого юноши совершали странные прыжки, взмывая в воздух высоко и как будто без малейших усилий, отрываясь от земли, словно стайка птиц, и их красные, напоминающие тогу одежды – шуки – трепетали, словно крылья.

Мы – молодые львы.
От нашего рыка дрожит земля.
Копья – наши клыки.
Копья – наши когти.
Убойся нас, зверь.
Убойся нас, чужак.
Отврати глаза от наших лиц, женщина.
Ты не смеешь любоваться их красотой.
Мы – братья львиного прайда.
Мы – масаи!

Эту песни масаи пели, отправляясь за добычей – женщинами или скотом соседних племен. Эту песню они пели, когда, желая явить доблесть, шли охотиться на льва с одним лишь ассегаем в руках. Эта песня укрепляла их дух перед битвой и служила боевым гимном. Допев до конца, Маниоро начал песню заново, и теперь Леон присоединился к нему, заменяя забытые слова тихим мычанием. Маниоро сжал пальцами его плечо и едва слышно прошептал на ухо:

– Пой! Ты один из нас. У тебя сердце льва. В тебе сила черногривого. Ты – масаи. Пой!

И Леон шел. Шел, будто завороченный песней, и ноги двигались сами по себе. Шел, балансируя между реальностью и фантазией. Маниоро снова затих и обмяк, впад в беспамятство. Леон шел, спотыкаясь и пошатываясь. Теперь он был не один. Из темноты выплывали лица любимых и близких. Отец и братья звали его издали, манили к себе, но, когда он приближался, они отступали, а голоса их слабели. Каждый шаг отдавался в голове гулким эхом, и в какие-то моменты это эхо было единственным звуком в окружавшем его молчании. Иногда он слышал тысячи и тысячи голосов, орущих, вопящих, улюлюкающих, или странную музыку барабанов и скрипок. Лейтенант старался не обращать внимания на эту какофонию, потому что она заглушала голос рассудка и подталкивала к безумию.

Порой, не сдержавшись, он кричал надоедливым видением: «Уйдите! Оставьте меня в покое! Дайте пройти!» – и они расступались, меркли, пропадали, и он шел дальше и дальше, пока над краем стены не появилась яркая дужка солнца. И тут ноги под лейтенантом подкосились, и он рухнул на землю, словно сраженный пулей.

Поднявшись выше, солнце вывело его из забытья жаркими лучами, однако когда Леон попытался поднять голову, мир вдруг покачнулся и пошел кругом. Он не помнил ни где нахо-

дится, ни как попал сюда. Со слухом и обонянием творилось что-то неладное: откуда-то повеяло знакомым запахом домашнего скота, застучали по камням копыта. Потом послышались голоса, пронзительные, детские. Кто-то рассмеялся, и это не могло быть только игрой воображения. Леон откатился от Маниоро и, собрав остаток сил, приподнялся на локте. В первое мгновение пыль и яркий свет заставили зажмуриться. Потом он все же разлепил спекшиеся веки и огляделся.

Скот был вполне реальный – большое стадо пестрых горбатых животных с широкими, закручивающимися кверху рогами. И дети были настоящие: три голых мальчишки с прутьями, которыми они гнали стадо на водопой. Леон заметил, что все трое прошли обряд обрезания, а следовательно, были старше, чем выглядели, где-то между тринадцатью и пятнадцатью. Общаясь между собой, они говорили на маа, однако он не понял ни слова. Ценой немалых усилий, преодолевая боль во всем теле, Леону удалось приподняться еще немного и принять сидячее положение. Самый высокий из мальчишек, уловив шевеление в траве, замер как вкопанный. С минуту он испуганно таращился на незнакомца, но в конце концов, как и положено будущему морану, совладал со страхом.

– Ты кто? – спросил он дрожащим голосом, грозно взмахнув при этом прутиком.

Леон понял и вопрос, и смысл устрашающего жеста.

– Я не враг, – прохрипел он в ответ. – Я – друг, и мне нужна твоя помощь.

Другие мальчишки, услышав незнакомый голос, остановились, глядя на чужака, точно на привидение, вставшее на их пути. Старший и, очевидно, смелейший из всех опасливо приблизился к Леону и спросил о чем-то еще. Не поняв вопроса, Леон повернулся к лежавшему рядом сержанту и помог ему приподняться.

– Брат, – проговорил он. – Это твой брат.

Паренек подошел еще ближе и с удивлением уставился теперь уже на Маниоро. Потом повернулся к своим товарищам и что-то быстро сказал, сопроводив распоряжение широким повелительным жестом, после которого они повернулись и со всех ног помчались через саванну. Из всей его речи Леон понял лишь одно слово – «Маниоро».

Поселок, к которому побежали мальчишки, находился примерно в полумиле и представлял собой кучку жавшихся друг к дружке хижин. Как и заведено у масаи, они были крыты тростником и окружены забором из колючего кустарника. Маньята, деревня масаи. Другой забор, деревянный, ограждал крааль, куда загоняли на ночь самое большое сокровище масаи – скот. Оставшийся в одиночестве паренек опустил на корточки перед Леоном и, указав на Маниоро, восхищенно прошептал:

– Маниоро!

– Точно, Маниоро, – подтвердил Леон, опираясь рукой о землю; у него снова закружилась голова.

Мальчишка издал радостный вопль и разразился очередной речью, из которой Леон выловил лишь слово «дядя». Он закрыл глаза и, откинувшись на спину, заслонился рукой от слепящего солнечного света.

– Устал, – пробормотал он. – Как же я устал...

Он и сам не заметил, как провалился в беспамятство, а когда очнулся, обнаружил вокруг себя небольшую толпу сельчан. На то, что это масаи, указывали вытянутые мочки ушей, в которых они носили большие раскрашенные диски или резные табакерки из кости. Из одежды на них были только длинные, опускавшиеся чуть ниже пояса рубахи, и больше ничего; гениталии масаи хвастливо выставляли напоказ. Женщины этого племени отличались необычно высоким для своего пола ростом. Головы они брили наголо, отчего те походили на яйцо, а на шею носили ожерелья из бус, нитки которых, спускаясь одна за другой, доходили до обнаженных грудей. Крошечные, расшитые бусинками юбочки едва прикрывали ту часть тела, которую стыдливо прячут их белые сестры.

Женщины рассматривали его с нескрываемым интересом, и Леон попытался сесть. Те, что помоложе, хихикали и подталкивали друг дружку, как будто никогда раньше не видели белого. Возможно, так оно и было. Дабы привлечь их внимание, пришлось прибегнуть к испытанному средству.

– Маниоро! – крикнул Леон и, указав на сержанта, добавил: – Маниоро мама?

Смешки стихли. Женщины с изумлением уставились на него.

Раньше других Леона поняла самая, пожалуй, юная и симпатичная из всех.

– Лусима! – воскликнула она и, повернувшись, указала на голубеющие вдалеке очертания дальней стены разлома.

– Лусима! – радостно подхватили остальные. – Лусима Мама!

По-видимому, именно так звали мать Маниоро. Довольные своей сообразительностью, женщины снова загалдели, а Леон, показав на пальцах, что Маниоро нужны носилки, ткнул пальцем в том же направлении:

– Отнесите Маниоро к Лусиме.

Восторги поутихли, женщины недоуменно переглядывались, определенно не понимая, чего требует от них белый незнакомец.

И снова самой смысленной оказалась симпатичная молодка. Топнув ногой, она подскочила к мужчинам и, нисколько не смущаясь, атаковала опешивших воинов как словесно, так и физически, мутузя кулачками одних и подталкивая других. Больше всего досталось воину с изысканной прической из заплетенных косичек, которого красавица попросту оттягала за волосы. В конце концов, пристыженные и обиженные, они вняли ее требованиям. Двое побежали в деревню и вскоре вернулись с длинным крепким шестом, к которому привязали некое подобие гамака из связанных по углам шкур. Это были носилки масаи – мушила. Потерявшего сознание Маниоро уложили на шкуры, после чего вся компания бодрой трусцой направилась на восток. Леон остался один на пыльной равнине. Пение мужчин и радостные причитания женщин вскоре стихли.

Лейтенант закрыл глаза, пытаясь собрать силы, чтобы подняться и последовать за ними. Открыв их через какое-то время, он обнаружил, что о нем не забыли. Трое голых пастушков, встав полукругом, молча и сосредоточенно смотрели на него. Старший сказал что-то и повторил свой требовательный жест. Леон послушно перекатился со спины на живот, поднялся на колени и, пошатываясь, выпрямился в полный рост. Паренек шагнул к нему, взял за руку и решительно потянул за собой:

– Лусима.

Второй, встав с другой стороны, взял его за другую руку и сказал:

– Лусима.

– Ладно-ладно. Пусть будет по-вашему, – согласился лейтенант. – Ничего другого мне, похоже, и не остается. Лусима так Лусима. – Он ткнул того, что постарше, пальцем в грудь. – Имя? Тебя как зовут?

Эта фраза была одной из тех немногих, которым научил его Маниоро.

– Лойкот! – с гордостью ответил мальчишка.

– Итак, Лойкот, мы пойдем к Лусиме Маме. Веди меня.

И они потащили ковыляющего Леона за собой – к далеким голубым холмам, вслед за взрослыми, уносившими бесчувственного Маниоро.

Пересекая долину, Леон заметил совершенно изолированную, отдельно стоящую гору, выраставшую из земли посредине широкой плоской равнины. Издалека ее можно было принять за своего рода подпорку восточной стены, неуместный нарост на огромном пространстве долины, но, подойдя ближе, он увидел, что она стоит сама по себе и никак с обрывом не связана. А еще расстояние не позволяло оценить ее истинное величие, удивительную высоту и крутизну

склонов. Нижнюю часть горы покрывали рощи величественных зонтичных акаций, выше их сменял густой горный лес, а поднимавшуюся за облака вершину окружала стена серого камня, напоминавшая гласис⁶ рукотворной крепости.

Приблизившись к этому природному бастиону, Леон сделал еще одно открытие: макушку горы прикрывала зеленая шапка могучих деревьев, получавших необходимую для роста влагу непосредственно из облаков. Даже снизу было видно, что верхние ветви украшены бороатым мхом и древесными орхидеями. Усыпанные белыми цветами пышные кроны походили на свадебные букеты. Орлы и другие хищные птицы, устроившие гнезда на голых скалах ниже вершины, парили на широких крыльях в бескрайней небесной синеве.

Солнце миновало зенит, когда Леон в сопровождении трех юных пастушков добрался до подножия горы. К этому времени носильщики были уже на середине тропинки, зигзагами уходившей вверх по крутому склону. Сил хватило ненадолго: одолев пару сотен футов, лейтенант свалился в тени акации. Ноги просто отказались ступать по каменистой дорожке. С минуту он возился со шнурками, а стаскивая ботинок, застонал от боли. Шерстяной носок почернел от крови и, казалось, намертво присох к подошве. Осторожно отодрав его, Леон с ужасом уставился на распухшую, стертую до мяса стопу. Полопавшиеся волдыри свисали кусками кожи, пальцы выглядели так, словно их жевал шакал. Присевшие рядом мальчишки рассматривали раны с нескрываемым интересом и мерзко скалились, как учуявшие запах крови упыри.

Наконец Лойкот, вспомнив об обязанностях старшего, отдал какие-то распоряжения, и его юные помощники резво понеслись в буш, где небольшое стадо длиннорогих животных пощипывало под акациями серо-зеленую травку. Через несколько минут посланцы вернулись с пригоршнями свежего помета. Уразумев, что ему предлагается использовать подношение в качестве припарки для лопнувших волдырей, Леон ясно дал понять, что не потерпит бесцеремонного давления со стороны Лойкота. Мальчишки упорствовали, навязчиво предлагая свое, по-видимому, проверенное средство. В конце концов лейтенант порвал на полосы рукава рубашки, связал ботинки шнурками и повесил на шею. Лойкот протянул ему свой пастушеский посох, и Леон, приняв палку, заковылял по тропе. С каждым шагом дорога становилась круче и круче, и он снова начал спотыкаться. Лойкот, заметив это, отправил своих порученцев куда-то вперед, и они послушно поскакали вверх на тонких, как веточки, ногах.

Лойкот и Леон последовали за ними с куда меньшим проворством – кровь, просачиваясь через повязки, оставляла на камнях красные пятна. Через какое-то время лейтенант опять остановился, сел на землю и с тоской посмотрел вверх – забраться на вершину ему, похоже, было не суждено. Лойкот опустил на корточки рядышком и завел длинный, запутанный рассказ. Леон понимал лишь отдельные слова, но паренек оказался хорошим актером: он иллюстрировал повествование энергичной мимической сценой, наглядно продемонстрировав, как именно защитил отцовское стадо от покусившихся на него львов. Представление сопровождалось кровожадным рычанием, прыжками и потрясанием воображаемым копьём – приятное разнообразие на фоне событий последних дней. Леон почти забыл об изуродованных ногах и от души смеялся над ужимками обаятельного мальчугана. Уже темнело, когда они услышали голоса. По тропинке спускалась группа моранов. С собой они принесли мушину, на которой утащили Маниоро. В ответ на их жесты Леон забрался на кожаные носилки, и четверо мужчин взяли за шест, положили себе на плечи и легкой трусцой побежали вверх.

Тропинка привела их на плоскую вершину, где под высоченными деревьями пылали костры. Носильщики повернули к ним и, пройдя через ограждение, вышли на открытое пространство с огромной, раскидистой смоковницей, вокруг которой собралось десятка два хижин. Леон обратил внимание, что построены они с куда большим искусством, чем те, кото-

⁶ Гласис – пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости.

рые ему доводилось видеть в других поселках масаи. Скот в загоне был упитанный и ухоженный.

Взглянуть на чужака собралась небольшая толпа мужчин и женщин. Одежды первых привлекали внимание высоким качеством, вторые же демонстрировали обилие украшений из кости и дорогих заморских бус. Деревня явно жила в достатке. Смеясь и забрасывая Леона вопросами, они обступили мушилу, а некоторые из девушек, что посмелее, трогали лицо лейтенанта и пробовали на ощупь изорванную форму. Женщины-масаи вообще не особенно скрывали свой интерес к противоположному полу.

Внезапно шумная толпа притихла. Со стороны хижин к ним шла высокая, статная женщина с поистине королевской осанкой. Собравшиеся расступились, и она направилась к носилкам. Ее сопровождали две девушки-рабыни с факелами, в свете которых кожа женщины отливала золотом. Масаи уважительно склонились перед ней, как трава под ветром. Шорох почтительных голосов пронесся над толпой.

– Лусима! – шептали они, негромко прихлопывая в ладоши и отводя глаза, словно не смея любоваться ее поразительной красотой.

Остановившись перед Леоном, женщина устремила на него внимательный, гипнотический взгляд.

– Приветствую тебя, Лусима, – сказал лейтенант.

Женщина не ответила и, может быть, даже не слышала его.

Высокая, почти одного с ним роста, с удивительно гладкой, лоснящейся, без единой морщинки кожей цвета темного меда. Матери Маниоро должно было быть за пятьдесят, но эта женщина выглядела по меньшей мере лет на двадцать моложе: обнаженные груди оставались твердыми и округлыми, татуированный живот – плоским и тугим, как будто она и не рожала вовсе. Характерные для женщин нильской группы черты лица поражали тонкостью и чистотой линий, а взгляд темных глаз, казалось, проникал в самые сокровенные мысли, добирался до самых заветных тайн.

– Ндио. Да, – кивнула она. – Я Лусима. И я ждала тебя. Я следила за вами всю ту ночь, что вы шли из Ниомби.

Леон обрадовался, что мать Маниоро говорит не на маа⁷, а на кисуахили – это облегчало общение, – но ее слова вызвали недоумение. Откуда ей знать, что они пришли из Ниомби? Может быть, Маниоро пришел в сознание и что-то рассказал?

– Маниоро со мной не разговаривал. Он ушел в страну теней и до сих пор спит, – произнесла Лусима. Леон вздрогнул. Она ответила на незаданный вопрос, словно прочитала его мысли. – Я была с вами, наблюдала за вами, – повторила Лусима. – Я видела, как ты спас моего сына, а потом принес его ко мне. Сделав это, ты стал вторым моим сыном. – Она взяла его руку. Ладонь у нее была прохладная и твердая как камень. – Идем. Мне нужно взглянуть на твои ноги.

– Где Маниоро? – спросил Леон. – Ты говоришь, что он жив, но выживет ли?

– Маниоро поражен недугом, в его крови демоны. Борьба предстоит нелегкая, и исход ее не определен.

– Я должен его увидеть.

– Я отведу тебя к нему. Сейчас Маниоро спит. Ему нужно набраться сил для предстоящего испытания. До утра удалить стрелу я не смогу: чтобы работать, нужен дневной свет. И еще мне понадобится мужская помощь. Но ты должен отдохнуть, потому что даже твоя великая сила имеет предел. Она потребует нас позже.

Лусима отвела Леона к одной из хижин, и он, пригнувшись под низкой притолокой, прошел в полутемное, затянутое дымом помещение. Она указала ему на кучку накидок-каросс из

⁷ Маа – самоназвание языка масаи.

обезьяньих шкур у дальней стены. Леон с облегчением опустился. Лусима встала перед ним на колени и принялась разматывать и отдирать тряпки, которыми он обвязал ноги. Тем временем девушки-прислужницы готовили травяной отвар в стоявшем над огнем, в центре хижины, трехногом железном котле. Девушек, скорее всего, захватили при набеге на какое-нибудь полувисимое соседнее племя, и они находились здесь фактически на положении рабынь; масаи брали все, что хотели, – будь то скот или женщины, – и никто из соседей не смел усомниться в их праве на это и бросить им вызов.

Когда отвар был готов, служанки принесли котел к тому месту, где сидел Леон. Лусима проверила температуру и разбавила содержимое холодной, но столь же мерзко пахнущей жидкостью из другой емкости, представлявшей собой выдолбленную и высушенную бутылочную тыкву. Потом взяла его ноги и опустила в котел.

Лишь огромным усилием воли Леону удалось удержать в себе рванувшийся из горла крик – отвар был горячий, как кипятки, едкий и жгучий. Женщины, внимательно наблюдавшие за его реакцией, обменялись одобрительными взглядами – они-то прекрасно понимали, чего стоило гостю сохранить бесстрастное выражение и стоическое молчание. Потом, когда пытка закончилась, Лусима обернула ноги полосками ткани.

– А теперь ты поешь и поспишь.

Она кивнула одной из девушек, и та поднесла внушительных размеров калекас, который, почтительно опустившись на колени, и предложила гостю. Леон уловил запах содержимого, но отказаться не посмел, чтобы не обидеть хозяйку. Собрав волю в кулак, он взял чашу обеими руками и поднес к губам.

– Оно свежее, – заверила Лусима. – Я приготовила его своими руками. Оно восстанавливает силы и способствует быстрому заживлению.

Желудок восстал после первого глотка. Напиток был теплый, но сама по себе смесь свежей бычьей крови и молока представляла собой нечто желеобразное и, мягко говоря, мало-приятное на вкус. На стенках горла моментально появилась пленка. Тем не менее Леон пил и пил, пока посуда не опустела. Потом опустил ее на землю и громко рыгнул, чем вызвал восторг прислужниц. Даже Лусима позволила себе улыбнуться.

– Это демоны улетели из твоего живота, – одобительно сказала она. – А теперь спи.

Лусима уложила гостя на кароссу и накрыла другой. Веки его, словно к ним привязали свинцовые грузики, сомкнулись.

Когда лейтенант снова открыл глаза, в открытую дверь били лучи утреннего солнца. Лойкот, сидевший на корточках у порога, резво вскочил, как только Леон заворочался, и, подойдя ближе, спросил о чем-то, указывая на ноги.

– Пока говорить рано, – ответил лейтенант.

Тело все еще ныло, зато голова была ясная. Он сел, разматал наложенные Лусимой повязки и с изумлением обнаружил, что опухлость спала, а воспаление заметно уменьшилось.

– Змеиное масло доктора Лусимы, – усмехнулся лейтенант.

Настроение мгновенно улучшилось, но тут он вспомнил о Маниоро и, торопливо перевязав ноги, проковылял к стоявшему за дверью большому глиняному горшку с водой. Стащил изорванную в лохмотья рубашку, ополоснул лицо, смыл пыль с волос, а когда выпрямился, увидел, что вокруг собралась едва ли не вся деревня, старики и молодежь, женщины и мужчины. Рассевшись кружком, масаи с живым интересом наблюдали за каждым его движением, обмениваясь впечатлениями и отпуская комментарии.

– Леди! – воззвал Леон, обращаясь к прекрасной половине. – Я собираюсь помочиться, и ваше присутствие при этой церемонии нежелательно.

С этими словами он, опершись о плечо Лойкота, направился к загону для скота.

Когда Леон вернулся, Лусима уже ждала у двери.

– Идем. Пора начинать, – сказала она и повела его в соседнюю хижину.

Внутри было сумрачно, так что после яркого дневного света пришлось с минуту привыкать к полутьме. В воздухе стоял тяжелый запах дыма и чуть менее ощутимый, но еще более неприятный, тошнотворный запах гниющей плоти. Возле огня, на кожаной кароссе, лицом вниз лежал Маниоро. Леон шагнул к нему и остановился: сержант больше походил на мертвеца, чем на живого человека. Кожа утратила здоровый природный блеск, посерела и напоминала золу скопившуюся под висевшим над угольями чаном. Мышцы на спине как будто высохли. Шея неестественно вывернулась, глаза впали и походили за полуоткрытыми веками на темные, отполированные водой кусочки кварца, что встречаются у реки. Нога над коленом сильно распухла, а из раны сочился желтоватый гной, вонь от которого и примешивалась к дыму.

Лусима хлопнула в ладоши, и в хижину вошли четверо мужчин. Взявшись за углы носилок, на которых лежал Маниоро, они вынесли его наружу, отнесли к растущему в центре загона дереву мукуйю и положили на землю в тени. Лусима, раздевшись по пояс, встала над сыном и, повернувшись к Леону, негромко сказала:

– Обратно стрелу не вытащить – наконечник не пойдет, – значит, придется вытаскивать вперед. Рана созрела. Ты чувствуешь запах. И все же легко стрелу она не отдаст.

Одна из девушек принесла маленький нож с рукоятью из кости носорога, другая глиняный горшок с углями, который крутила над головой, чтобы угли не погасли. Когда Лусима взяла нож, вторая служанка поставила перед ней горшок. Несколько минут шаманка держала лезвие над огнем, пока оно раскалилось, потом опустила в горшок с жидкостью, запахом напоминавшей ту, которой накануне вечером смазывала Леону ноги. В горшке зашипело и забулькало.

С ножом в руке Лусима опустилась на корточки рядом с сыном. Ее примеру последовали и четверо мужчин, что принесли Маниоро из хижины; двое присели у головы больного, двое у ног. Лусима подняла голову, посмотрела на Леона и сказала:

– Вот что ты сделаешь... – Далее она подробно объяснила, чего ждет от него, и закончила такими словами: – Хотя ты и самый сильный из нас, тебе потребуется вся сила. У наконечника много зубьев, и они крепко ухватились за плоть Маниоро. – Она посмотрела Леону в глаза. – Ты понял, сын мой?

– Понял, Мама.

Лусима развязала кожаный мешочек, который носила на поясе, и достала моток тонкой белой бечевы.

– Это послужит тебе веревкой. – Она протянула Леону моток. – Я сплела ее сама из кишок леопарда. Тугая и прочная. Крепче нет ничего. – За бечевкой последовала толстая полоска слоновьей шкуры, которую Лусима положила сыну между зубов и закрепила, чтобы Маниоро не мог ее выплюнуть, коротким кетгутом из кишки импалы. – Чтобы не сломал зубы, когда боль станет невыносимой, – пояснила она.

Леон кивнул, хотя и понимал, что действительная причина предосторожности другая: Лусима Мама опасается, что сын закричит и тем самым навлечет на нее позор.

– Переверните его на спину, – распорядилась она, – но не потревожьте рану. – Воины осторожно положили Маниоро лицом вверх, а Лусима позаботилась о том, чтобы выступающий из бедра обломок древка не касался кароссы, и подложила под него две деревяшки. – А теперь держите. Крепко.

Заняв позицию поудобнее, она положила руки на раненую ногу и стала осторожно ощупывать бедро, чтобы определить положение наконечника в воспаленной, распухшей плоти. Пальцы двигались легко, как могло показаться, почти не касаясь кожи, но Маниоро тем не менее зашевелился, заворочался. Лусима, найдя наконечник, поднесла острие ножа к нужному месту и начала читать заклинание. Следующие один за другим монотонные рефрены оказали на раненого должный эффект: он успокоился, расслабился и тихонько засопел.

Внезапно, без предупреждения и даже не переставая читать, шаманка опустила нож, и лезвие легко вошло в темную плоть. Маниоро напрягся – гладкий, ровный рельеф тела мгновенно преобразился, на нем проступили скульптурные бугры мышц и узлы сухожилий. Металл проскрежетал по металлу, и из разверстой раны ударил гной. Лусима отложила нож и надавила ладонями на края разреза, из которого проступил первый ряд зазубрин.

Леону доводилось изучать оружие плененных нанди, а потому он и не удивился, увидев наконечник незнакомого образца. Выковали его из ножки котелка толщиной с мизинец Лусимы с таким расчетом, чтобы он как можно глубже входил в тело крупного животного, например слона. Средневековые английские лучники били по защищенным доспехами французским рыцарям стрелами, наконечники которых имели один большой зуб. Здесь зубцов было много – крошечных, как рыба чешуя, зазубрин, благодаря чему стрела проникала в плоть практически без сопротивления. Именно поэтому вытащить наконечник по входному каналу было невозможно.

– Быстро! – шепнула Лусима. – Привязывай!

Леон уже приготовил петлю и теперь надел ее на острие и затянул за первым рядом зубцов.

– Готово.

– Держите его. Держите крепче, чтобы он не дергал бечеву и чтобы она не оборвалась, – предупредила Лусима моранов, и все четверо налегли на распростертого Маниоро. Она повернулась к Леону. – Тяни, сын мой. Тяни со всей силой. Вытащи из него зло.

Леон обмотал бечеву вокруг запястья и потянул. Лусима снова принялась читать заклинание. Тонкая нить напряглась. Тянуть следовало осторожно, плавно, без рывков – острые как бритва зубцы могли легко перерезать кетгут, – и он добавлял понемногу, по чуть-чуть. Петля затянулась туже... еще туже... но стрела оставалась на месте. Леон уменьшил нить, обернув ее еще раз вокруг запястья, и слегка переменил позу, выравнивая плечи по углу, под которым стрела вошла в ногу Маниоро. Теперь он тянул двумя руками, не обращая внимания на режущую боль, с которой кетгут впивался в кожу. Под рваной рубашкой вздулись плечевые мышцы, на шее выступили жилы, лицо потемнело от напряжения.

– Тяни, – прошептала Лусима, – и пусть Мкуба-Мкуба, величайший из великих богов, наполнит силой твои руки.

Между тем четверо взрослых мужчин с трудом удерживали мечущегося на ложе Маниоро. Резких, похожих на рык криков не гасил даже кляп из слоновьей шкуры, сумасшедшие, налитые кровью глаза грозили вот-вот выскочить из впадин глазниц. Захваченный петлей, наконечник продирался наружу, поднимая разорванную и распухшую плоть, но зубья намертво вцепились в мясо.

– Тяни! – заклинала Леона Лусима. – Сила твоя превосходит силу льва. Сила твоя – сила М'бого, великого буйвола.

И наконечник пошел. Сначала с едва слышным рвущимся звуком из раны показался второй ряд зубчиков, потом третий. Теперь из развороченной плоти высывалось уже два дюйма темного от крови острия. Оставалось еще одно, последнее усилие, и Леон взял паузу. Расслабился на секунду, потом уперся ногами в землю, поиграв желваками, стиснул зубы, сделал глубокий вдох и потянул. Из мяса нехотя вылез еще дюйм железа. А потом из раны хлынула вдруг густая струя наполовину свернувшейся черной крови и багрового гноя. От мерзкой вони даже у Лусимы перехватило дыхание. Впрочем, нет худа без добра – смазанный зловонной жидкостью обломок древка выскользнул из раны легко и почти без усилий, как некий плод из чрева зла в страшный миг своего рождения.

Леон не устоял на ногах и повалился на спину, с ужасом взирая на результат своих трудов. Рана зияла точно разинутый в агонии рот, из развороченной плоти вытекала перемешанная с какими-то ошметками кровь. Боль была настолько невыносимой, что Маниоро прожевал

слоновью шкуру и искусал губы. Кровь тонкой струйкой ползла по подбородку. Он все еще метался и рвался, и четверым моранам едва удавалось удерживать его на месте.

– Подержи ногу, М'бого! – окликнула Леона Лусима.

Прислужница протянула ей длинный тонкий рог антилопы-прыгуна, изогнутый наподобие воронки. Шаманка погрузила острый конец рога в рану, и Маниоро забился в новом приступе боли. Девушка поднесла к ее губам посудину из выдолбленной тыквы. Набрав в рот неведомой жидкости – несколько капель скатились по подбородку, и Леон успел уловить ее резкий, терпкий запах, – Лусима наклонилась над расширенным, как у горна, краем воронки и с силой выдула содержимое вглубь раны. За первой порцией последовала вторая. Жидкость, пенясь, поднялась над краями раны, вымывая зараженную кровь и прочую грязь.

– Переверните его, – распорядилась она, и воины перевернули сопротивляющегося Маниоро на живот, а Леон сел ему на поясницу, всем весом удерживая на кароссе.

Лусима снова опустила рог в рану, теперь со стороны входного отверстия, и вдула в загноившуюся плоть еще две порции неведомой жидкости.

– Достаточно, – сказала она наконец. – Я вывела яд.

Она отодвинула рог, приложила к ране подушечки с сушеными травами и перебинтовала все длинными полосками ткани. Между тем сопротивление Маниоро ослабевало, пока он не затих совсем, погрузившись в беспамятство, скорее похожее на смерть, чем на сон.

– Все кончено. Больше я ничего сделать не могу. Теперь его судьба решится в битве между богами его предков и демонами тьмы. Исход ее мы узнаем через три дня. Отнесите его в хижину. – Она повернулась и посмотрела на Леона. – А мы с тобой, М'бого, будем поочередно сидеть у ложа и поддерживать его силы в этом сражении.

На протяжении нескольких последующих дней жизнь Маниоро висела на волоске. Временами он проваливался в такую глубокую кому, что Леону приходилось прикладываться ухом к его груди, чтобы понять, дышит ли он еще. В другие часы стонал и хрипел, метался, обливаясь потом, скрипел зубами и кричал. Лусима и Леон сидели справа и слева от больного, следя за тем, чтобы тот в приступе лихорадки не поранился еще сильнее. Ночи были длинные, и никто не смыкал глаз. Разведя небольшой огонь, они коротали время за негромкими разговорами.

– Чувствую я, родился ты не на далеком острове за морем, как большинство твоих соотечественников, а здесь, в Африке, – сказала как-то Лусима. Ее поразительная проницательность уже не вызывала у Леона удивления. Не услышав ответа, она продолжала: – И родился к северу отсюда, на берегах великой реки.

– Ты права. Так оно и есть, – согласился Леон. – Место, где я родился, называется Каир, а река – Нил.

– Твоя родина – эта земля, и ты никогда ее не покинешь.

– Об этом я никогда и не думал.

Лусима перегнулась через сына и, взяв Леона за руку, закрыла глаза и на какое-то время умолкла.

– Я вижу твою мать, – сказала она. – Большого ума женщина. Чуткая и отзывчивая. Вы с ней близки по духу. Она не хотела, чтобы ты уезжал.

Темные тени печали залегли в его глазах.

– И отца твоего я вижу. Это из-за него ты ушел.

Леон кивнул:

– Он обращался со мной как с ребенком. Заставлял делать то, чего я не хотел. Я отказывался. Мы часто ругались, и мама страдала из-за этого.

– И что он заставлял тебя делать? – спросила Лусима с видом человека, знающего ответ.

– У моего отца одна цель – деньги. Ничто больше его не интересует. Даже жена и дети. Он очень тяжелый человек, и мы с ним друг другу не нравились и сходились плохо. Уважение

к нему у меня, наверное, есть, а вот восхищения точно нет. Отец хотел, чтобы я работал с ним, занимался тем же самым. Меня такая перспектива не радовала.

– И ты убежал из дому?

– Не убежал – ушел.

– Что ты искал?

Он задумался, потом покачал головой:

– Честно говоря, не знаю. Не знаю, Лусима Мама.

– Так ты не нашел того, что искал?

Он неуверенно покачал головой. Потом вспомнил Верити О'Хирн и пожал плечами:

– Может быть, кого-то и нашел.

– Нет. Только не ее. Не женщину, о которой ты думаешь. Она всего лишь одна из многих. Вопрос вырвался сам по себе, прежде чем Леон успел остановиться.

– Откуда ты знаешь о ней? – И сам ответил: – Ну конечно. Ты ведь там была. Ты так много знаешь.

Лусима усмехнулась. Некоторое время они молчали. Молчание было приятное, теплое, дружелюбное. Он ощущал странную, непонятную, но прочную связь с ней, как будто она и впрямь была его матерью.

– Мне не очень нравится то, как я сейчас живу и что делаю, – сказал наконец Леон.

Сказал в каком-то смысле неожиданно для себя, потому что никогда раньше не задумывался о таких вещах. Сказал и понял – да, не нравится.

– Это потому, что ты солдат и не можешь поступать так, как велит сердце, – кивнула Лусима. – Тебе приходится подчиняться приказам старших.

Он вздохнул:

– Ты меня понимаешь. Выслеживать и убивать людей, которых я даже не знаю, такое не по мне.

– Ты хочешь, М'бого, чтобы я указала тебе путь?

– Я доверяю тебе. И мне нужен твой совет.

Она молчала так долго, что он уже собрался что-то спросить, потом, подняв голову, увидел, что глаза у женщины открыты, зрачки закатились и блики огня отражаются только в белках. Сидя на корточках, Лусима начала ритмично раскачиваться, а потом и заговорила – другим, низким, скрежещущим, монотонным голосом:

– Есть двое мужчин. Ни один из них не твой отец, и оба будут больше чем отец. Есть другая дорога. Ты должен пойти дорогой великих серых, которые не люди. – Она прерывисто, с хрипом, как астматик, вдохнула. – Познай тайны диких зверей, и люди будут чтить тебя за знание и уважать за понимание. Ты будешь знаться с теми, кто у власти, и они будут считаться с тобой и принимать как равного. Женщин будет много, но только одна вберет в себя всех. Она придет к тебе из облаков. Как и они, она явит тебе много лиц.

Голос у Лусимы надломился, в горле захрипело, как будто ее душило что-то, и Леон вдруг понял, что на шаманку снизошло откровение. Ему стало вдруг немного не по себе – словно в затылок дохнул нездешний, холодный ветер. Лусима вздрогнула, встряхнулась и заморгала. Зрачки вернулись на место, и он, заглянув в их непроницаемо-темные глубины, увидел себя.

– Прислушивайся к тому, что я сказала, сын мой, – прошептала Лусима. – Время выбора близко.

– Я и не понял толком, что ты мне напороочила.

– Со временем ты все поймешь, – пообещала она. – И когда бы ты ни позвал, я всегда буду с тобой. Я не мать тебе. Я стала больше чем мать.

– Ты говоришь загадками, Мама, – сказал Леон, и она тепло улыбнулась ему.

На следующее утро Маниоро пришел в себя. Он был еще очень слаб и плохо помнил, что с ним произошло. Масаи попытался сесть, но не смог.

– Что случилось? Где я? – Маниоро обвел хижину затуманенным взглядом и остановился на матери. – Мама, это вправду ты? А я думал, мне все снилось. Я ведь спал?

– Ты в моей маньяте на горе Лонсоньо. Здесь тебе ничто не угрожает. А стрелу из твоей ноги мы вытащили.

– Стрелу? Да, помню...

Прислужницы-рабыни принесли глубокую миску со смешанной с молоком кровью быка, и Маниоро с жадностью опорожнил ее, пролив немного на грудь. Потом откинулся на спину, переводя дыхание, будто после тяжелой работы. И лишь тогда заметил сидящего на корточках в углу Леона.

– Бвана! – На сей раз ему все же удалось подняться. – Ты еще здесь?

– Здесь. – Леон бесшумно подошел к нему.

– Давно? Сколько прошло дней с тех пор, как мы вышли из Ниомби?

– Семь.

– В штабе, в Найроби, решат, что ты погиб или дезертировал. – Маниоро схватил лейтенанта за рубашку. – Тебе нужно обязательно вернуться, бвана. Нельзя из-за меня забывать о долге.

– Мы вернемся в Найроби, когда ты выздоровеешь и будешь готов идти.

– Нет, бвана, нет. Ты должен идти прямо сейчас. Майор тебе не друг, от него ничего хорошего не будет. Нет, бвана, возвращайся поскорее, а я приду, как только встану на ноги.

– Маниоро прав, – вмешалась Лусима. – Здесь тебе делать больше нечего. Ты должен явиться к начальству. – Леон давно потерял счет времени и только теперь с опозданием понял, что в последний раз был в штабе батальона больше трех недель назад. – До железной дороги тебя проводит Лойкот, эту местность он знает хорошо. Пойдешь с ним.

– Вы правы, – согласился Леон, поднимаясь.

Времени на подготовку не требовалось. У него не было ни оружия, ни вещей, ни даже одежды, кроме изодранной в лохмотья формы.

Лусима дала ему красную шуку:

– Ничего лучшего для тебя у меня нет. Она защитит от солнца и холода. Красная шука отпугивает нанди, и даже львы, увидев ее, предпочитают уйти.

– Даже львы?

Леон отвернулся, пряча улыбку.

– Вот увидишь.

Она улыбнулась в ответ.

Примерно через час Леон с Лойкотом вышли из деревни. Годом раньше, в сезон дождей, парнишка угонял отцовское стадо далеко на север, до самой железной дороги, и путь туда знал хорошо.

Стертые в кровь ноги почти зажили, так что Леон смог не только надеть, но и зашнуровать ботинки. Слегка прихрамывая, он спустился следом за Лойкотом к подножию горы и остановился, чтобы перевязать шнурки, а когда выпрямился и посмотрел вверх, то увидел на выступе женский силуэт. Лейтенант поднял руку в прощальном жесте, она не ответила – повернулась и скрылась из виду.

Кожа на подошвах загрубела достаточно быстро, и вскоре он мог не только поспевать за юным проводником, но и соперничать с ним в скорости. Шаг у мальчишки был широкий, легкий, он как будто не шел по земле, а летел над ней. И при этом комментировал все, что видел, так что рот у него не закрывался. Лойкот не пропускал ничего, и там, где Леон видел размытое

серое пятно, его живой, ясный взгляд замечал даже лесную антилопу куду, притаившуюся в густой чаще на расстоянии трехсот ярдов.

Равнина, по которой они шли, изобиловала зверьем. Пренебрегая скачущими вокруг маленькими антилопами, паренек удостаивал своим вниманием только объекты покрупнее. Проведя неделю среди масаи, Леон, с детства отличавшийся способностью к языкам, понимал его болтовню без труда.

Выходя из деревни, они не захватили с собой никаких продуктов, что поначалу беспокоило Леона. Как вскоре выяснилось, тревожился он зря: Лойкот «подавал к столу» весьма разнообразные, хотя порой и довольно странные блюда, включая каких-то маленьких птичек и их яйца, саранчу и прочих насекомых, дикие фрукты и корешки. Однажды его добычей стала вспорхнувшая из травы шпорцевая куропатка, которую он поразил посохом прямо в воздухе. В другой раз юный охотник принес крупного варана, за которым пробежал по вельду не меньше полумили, прежде чем забил пресмыкающееся насмерть. Мясо варана напоминало вкусом курицу, и его хватило на три дня, хотя к концу останки уже колонизировали какие-то переливчатые голубые мухи и их жирное белое потомство.

Каждый вечер путники ложились у небольшого костра, укрываясь от ночной прохлады шукой, и просыпались рано, когда в предрассветном небе еще висела яркая утренняя звезда. Третье утро ничем не отличалось от двух предыдущих. Солнце еще не поднялось над горизонтом и лишь слегка рассеяло ночную тьму, когда Лойкот вдруг остановился и указал на акацию, до которой оставалось ярдов пятьдесят.

– Что такое? – спросил Леон.

– Ты разве не видишь? Раскрой глаза, М'бого.

Лойкот протянул посох, и только тогда Леон заметил в бурой траве между ними и деревом два черных клона, а присмотревшись, разглядел огромного льва. Растянувшись на брюхе, зверь, бесстрастно наблюдал за ними желтыми глазами. Выдавшие его черные клочки были кончиками ушей.

– Господи боже!.. – прошептал Леон, невольно отступая.

Лойкот рассмеялся:

– Он знает, что я масаи, и убежит, как только я его окликну. – Парнишка помахал посохом. – Эй, старый, скоро день моего испытания. Вот тогда мы и встретимся. Посмотрим, кто из нас лучше.

Лойкот имел в виду обязательное испытание на храбрость. Чтобы считаться мужчиной и иметь право воткнуть копье перед дверью любой понравившейся ему женщины, юный моран должен выйти один на один против льва и убить его асsegаем.

– Убойся меня, скотокрад. Убойся, потому что я – твоя смерть!

Он выставил посох, наподобие копья, и легкой, танцующей походкой двинулся к зверю. К величайшему изумлению Леона, хищник вскочил, угрожающе рыкнул и исчез в траве.

– Ты видел, М'бого? – возликовал Лойкот. – Видел, как симба испугался меня? Видел, как он убежал от меня? Он знает, что я моран. Знает, что я – масаи!

– Ты просто чокнутый! – Леон разжал кулаки. – По твоей милости нас обоих слопают.

Напряжение и страх схлынули, и он с облегчением рассмеялся. Вспомнились и сказанные перед расставанием слова Лусимы. Масаи веками охотились на львов, безжалостно, поколение за поколением, преследуя этих хищников, и, может быть, страх перед охотниками как-то укоренился в памяти зверей? Может быть, высокий человек в красной шуке воспринимался ими как смертельная угроза?

Лойкот высоко подпрыгнул, изобразил триумфальный пируэт и повел лейтенанта дальше на север, продолжая сыпать наставлениями и поучениями. Замечая крупный след, он указывал на него и мимоходом описывал оставившего его зверя. И каждый раз Леона поражала глубина знания паренком дикого мира и обитающих в нем тварей. Объяснение было простое:

едва научившись ходить, мальчишка присматривал и ухаживал за стадами племени. Маниоро рассказывал, что даже самые младшие из пастухов могут днями идти по следу отбившегося животного и не терять его ни в вельде, ни в горах. Тем не менее Лойкот восхитил Леона еще раз, когда, остановившись на минутку, обвел концом посоха едва заметный отпечаток огромной круглой лапы. Солнце пропекло это место, и землю покрывала крошка глинистого сланца и кремневая галька. Без помощи мальчишки лейтенант никогда бы не распознал след слона.

– Этого я знаю, – продолжал Лойкот. – Много раз его видел. Бивни у него вот такие... – Он прочертил линию, сделал три больших шага и прочертил вторую. – Большой серый вождь.

«Большой серый вождь...» А что говорила Лусима? «Ты должен пойти дорогой великих серых, которые не люди». Тогда эта фраза озадачила Леона, но теперь он вдруг понял: она имела в виду слонов!

Продолжая путь на север, Леон снова и снова возвращался к ее совету. Охота всегда увлекала его и манила. В отцовской библиотеке было немало книг, написанных знаменитыми охотниками. Читая их, он переживал те же приключения, что и Бейкер, Селус, Гордон-Камминг, Корнуоллис Харрис. Желание испытать нечто подобное и стало одной из причин того, что он записался в КАС, а не пошел по стопам отца, для которого любой вид деятельности, не направленный на обогащение, был «бездельем». С другой стороны, некоторые армейские чины только поощряли младших офицеров к участию в охоте на крупного зверя. Тому же капитану Корнуоллису Харрису, служившему в Индии, дали, например, годичный отпуск, чтобы он смог поохотиться в неизведанных дебрях Южной Африки. Леон горел желанием посостязаться со своими героями, однако до сих пор такой возможности не предоставлялось.

Поступив на службу в КАС, он не раз и не два обращался к начальству с просьбой о краткосрочном отпуске, но командир батальона и его непосредственный начальник, майор Снелл, даже не рассматривал эти обращения.

– Если вы полагали, Кортни, что вступаете в армию для участия в большом сафари, то сильно ошиблись. Возвращайтесь к своим обязанностям. И запомните, я и слышать не желаю о подобной чепухе.

Так что до сих пор на охотничьем счету Леона было лишь несколько маленьких антилоп, газелей Гранта и Томсона, которых он подстрелил во время патрулей, чтобы накормить своих аскари. С замиранием сердца смотрел молодой лейтенант на разгуливающих вокруг великолепных животных – вот бы поохотиться когда-нибудь на них.

Может быть, советуя «пойти дорогой великих серых», Лусима имела в виду, что он должен стать охотником за слоновой костью? Заманчивая перспектива. Думая об этом, Леон уже веселее шагал за неунывающим Лойкотом. Жить приятнее, когда у тебя есть цель. В своем первом бою он проявил себя вполне достойно. Маниоро жив. Впереди замаячила новая карьера. А что самое приятное, в Найроби его дожидалась Верити О'Хирн. Да, жизнь хороша.

На пятый день Лойкот повернул на восток. Равнина сменилась лесистыми холмами, поднимаясь на которые они заглядывали в лежащие впереди мелкие долины. И вот в меркнувшем свете вечернего солнца блеснуло что-то металлическое. Заслонившись козырьком ладони, Леон всмотрелся в даль.

– Да, М'бого, – кивнул Лойкот. – Это она, твоя железная змея.

Над далекими вершинами деревьев появлялись и растворялись черные клубочки дыма. Потом тишину прорезал печальный крик парового свистка.

– Дальше я с тобой не пойду – здесь даже ты не заблудишься, – с важным видом изрек Лойкот. – Мне надо возвращаться – кто-то ведь должен присматривать за стадом.

Лейтенант проводил пастушка грустным взглядом. Благодаря ему путешествие получилось и приятным, и познавательным. Впрочем, печалиться было некогда. Он повернулся и торопливо спустился с холма.

Высунувшись из окна кабины локомотива, машинист увидел далеко впереди стоящего на рельсах человека. Судя по охряно-красной шуке, это был масаи. Когда состав подошел ближе, незнакомец распахнул одежду, и машинист понял, что перед ним белый, и даже заметил уцелевшие лохмотья хаки. Он ухватился за рычаг тормоза, и тяжелые колеса завизжали и закрипели, высекая искры из стальных рельсов. Выбросив облако пара, состав медленно остановился.

Майор Фредерик Снелл, командир 3-го батальона 1-го полка КАС, не соизволил оторваться от лежавшего перед ним документа, когда в его кабинет ввели под конвоем лейтенанта Леона Кортни.

Снелл был староват для занимаемой должности, хотя и успел повоевать в Судане против Махди и в Южной Африке против буров. Впрочем, ни в одной ни в другой кампании отличиться ему не довелось, и теперь майор со страхом ожидал отставки, к которой приближал его каждый прожитый день. На армейскую пенсию он мог позволить себе разве что скромный домишко в каком-нибудь Брайтоне или Борнмуте, чтобы провести там остаток дней с женой, которой уже перевалило за сорок. Свои лучшие годы Мэгги Снелл прожила в армейских казармах, в не самом полезном для здоровья тропическом климате, иссушившем ее кожу, испортившем характер и заточившем язычок.

Снелл был невелик ростом и невзрачен. Волосы, некогда ярко-рыжие, поблекли, выгорели и повыпали, оставив как напоминание о себе жиденькую белую бахрому вокруг веснушчатой плечи. Рот был широкий, но губы узкие. Круглые, бледно-голубые, навывкате глаза оправдывали приклеившееся к нему прозвище – Фредди Лягушонок.

Майор шумно, с причмоком, пососал забытую во рту трубку. На столе перед ним лежал исписанный от руки лист. Дойдя до конца, Снелл нахмурился, вынул трубку и постучал ею о стену, оставив на белой побелке желтую никотиновую кляксу. Трубка вернулась в рот, а внимание майора – к первой странице документа. Еще раз, с показным вниманием, пройдясь взглядом по начальным строчкам, он аккуратно сложил бумаги и наконец-то поднял голову.

– Арестованный! Смирно! – гаркнул во всю глотку сержант Мфефе, командовавший конвойной командой.

Леон врезал стертые каблуки в цементный пол и вытянулся в полный рост.

Снелл смерил его презрительным взглядом. Лейтенанта Кортни арестовали тремя днями ранее, когда он самолично явился к главным воротам штаба, и с тех пор содержали в тюремном бараке – во исполнение приказа командира батальона. Ни переодеться, ни побриться ему не разрешили. Щеки и подбородок арестанта покрывала густая темная щетина, рубашка окончательно обтрепалась и почернела от грязи. Рукава отсутствовали, штанины жестоко пострадали от колючек. И все равно, даже в таком непрезентабельном виде и незавидном положении арестанта, лейтенант раздражал майора одним своим присутствием. И в лохмотьях Леон Кортни оставался высоким, могучим, и при этом от него исходило ощущение наивной самоуверенности. Супруга майора, крайне редко хвалившая кого-то или что-то, обронила как-то с грустью, что молодой Кортни изумительно хорош собой.

– С его появлением здесь не одно сердечко затрепетало, – поведала она мужу. – Это я тебе точно скажу.

«Что ж, – думал майор Снелл, с ненавистью и злобой глядя на арестанта, – больше они трепетать не будут – уж я об этом позабочусь!»

– Итак, Кортни, – молвил он наконец и постучал пальцем по бумагам, – на сей раз ты превзошел себя самого. Я прочитал твой рапорт, и ничего, кроме удивления, он у меня не вызвал.

– Так точно, сэр! – подал голос Леон.

– В такое невозможно поверить. – Снелл покачал головой. – Это слишком даже для такого, как ты. – Он вздохнул, скрывая за неодобрительной гримасой восторг победителя. Дождавшись мгновения триумфа – а ждать пришлось почти год, – майор желал насладиться им в полной мере. – Интересно, что скажет твой дядя, когда познакомится с этим весьма и весьма любопытным документом?

Дядя Леона, полковник Пенрод Баллантайн, был командиром полка. Намного моложе Снелла, он обошел его в служебной карьере по всем статьям. Майор понимал: еще до того, как его отправят в отставку, Баллантайна, скорее всего, произведут в генералы и поставят во главе дивизии в какой-нибудь приятной для жизни части империи. А потом, как само собой разумеющееся, счастливчика ждет и рыцарское звание.

Сэр Пенрод Баллантайн, чтоб ему провалиться! Снелл ненавидел полковника так же, как ненавидел его чертова племянника. Вся жизнь его обходили такие вот баллантайны. Обходили легко, даже не напрягаясь. Что ж, со старым псом тягаться поздно, зато на щенке отыграться можно.

Майор почесал лысину черенком трубки.

– Скажите, Кортни, вы понимаете, почему я приказал задержать вас сразу по возвращении в батальон?

– Сэр! – Леон вперил взгляд в стену над головой Снелла.

– Вы, наверно, хотели сказать «никак нет, сэр». Если так, то я хотел бы перечислить упомянутые в вашем рапорте события и указать, что именно вызвало у меня озабоченность. Не возражаете?

– Никак нет, сэр!

– Спасибо, лейтенант. Итак, шестнадцатого июля вы получили приказ принять под свою команду подразделение численностью в семь бойцов и отправиться в Ниомби для противодействия возможным набегам со стороны мятежных нанди. Все правильно?

– Так точно, сэр!

– Выступив тогда же, шестнадцатого июля, вы прибыли к месту назначения лишь по прошествии двенадцати дней, хотя и проделали большую часть пути на поезде. От Маши до Ниомби менее ста двадцати миль, и несложные расчеты показывают, что вы проходили в сутки менее десяти миль. – Снелл поднял голову от бумажек. – Форсированным маршем это не назовешь. Согласны, лейтенант?

– Сэр, причину задержки я объяснил в рапорте, – ответил Леон, не отводя глаз от никотинового пятна над головой майора.

– Ах да! Конечно! Вы обнаружили следы крупного отряда мятежников и, нарушив полученный приказ, приняли решение задержать противника, навязав ему бой. Я верно понял ваше объяснение?

– Так точно, сэр.

– А если верно, то не соизволите ли, лейтенант, объяснить, как вы догадались, что следы принадлежат именно мятежникам, а не охотникам какого-то другого племени или беженцам из района беспорядков.

– Сэр, я полагался на мнение моего сержанта, что следы оставлены нанди.

– И вы согласились с такой оценкой?

– Так точно, сэр. Сержант Маниоро – опытный следопыт.

– И вы шесть дней гонялись за этими мифическими повстанцами?

– Сэр, нанди направлялись прямоком к миссии в Накуру. Я посчитал, что они могут напасть на поселок, и решил, что мой долг – помешать им в этом.

– Ваш долг – исполнять приказ. Исполнили бы приказ, не попали бы в ловушку.

– Сэр, нанди поняли, что мы идем за ними, разделились на несколько небольших отрядов и рассеялись по бушу. Тогда мы повернули и пошли в Ниомби.

– Как вам и было приказано?

– Так точно, сэр.

– Сержант Маниоро подтвердить вашу версию, конечно, не в состоянии, так что мне остается только поверить вам на слово, – продолжал Снелл.

– Так точно, сэр!

– Итак, – майор заглянул в бумажки, – вы повернули наконец к Ниомби.

– Так точно, сэр!

– И что же вы обнаружили? Что за время ваших блужданий миссия подверглась разграблению, а миссионер и его семья убиты. А потом поняли, что и сами попали в ловушку. И как вы поступили? Поджали трусливо хвост и сбежали, оставив своих людей без командования, изменив воинскому долгу.

– Не было этого, сэр! – не удержавшись, гневно воскликнул Леон.

– А ваша несдержанность, лейтенант, есть прямое нарушение субординации.

Хорошие слова – «нарушение субординации». Снелл покатал их на языке, как глоток доброго кларета.

– Извините, сэр. Я не хотел.

– Тем не менее что есть, то есть. Итак, вы не согласны с моей оценкой событий в Ниомби. У вас есть свидетели, которые могли бы подтвердить вашу версию событий?

– Так точно, сэр. Сержант Маниоро.

– Конечно. Как я мог забыть, что, бросив своих людей в Ниомби, вы унесли на спине этого самого сержанта, обогнали целую армию мятежников и доставили его на подконтрольные масаи территории. – Снелл плотоядно усмехнулся. – При этом следует отметить, что унесли вы его в противоположном Найроби направлении, а потом еще и оставили у матери. У матери! Надо же! – Он хмыкнул. – Как трогательно! – Майор раскурил трубку, попыхтел. – Прибывшее в Ниомби через много дней после учиненного нанди побоища подкрепление нашло ваших людей в таком состоянии, что опознать их было невозможно. Те, кому не отрезали голову, пострадали от стервятников и гиен. Думаю, там же, среди трупов, остался и ваш сержант. С ними, а не со своей матерью, как вы утверждаете. Я также думаю, что, дезертировав с поля боя, вы скрывались в лесу, а сюда явились, когда осмелели, сочинили эту историю и набрались наглости предложить ее мне.

– Никак нет, сэр.

Леон дрожал от гнева, костяшки сжатых в кулаки пальцев побелели, и ему с трудом удалось держаться по стойке смирно.

– С первого дня пребывания в батальоне вы открыто пренебрегали воинской дисциплиной и демонстрировали неуважение к власти. Куда больше, чем обязанности младшего офицера, вас интересовали легкомысленные забавы вроде поло и охоты. Ясно, что исполнять вышеуказанные обязанности вы считаете ниже своего достоинства. Мало того, вы откровенно пренебрегаете общепринятыми нормами приличий. Вообразили себя ловеласом, а ваше поведение возмущает всю колонию.

– Сэр, вы предъявляете мне ничем не подкрепленные обвинения.

– Ничем не подкрепленные? Что ж, я их подкреплю. Вы, вероятно, еще не знаете, что во время вашего затянувшегося отсутствия губернатор колонии считал своим долгом позаботиться о некоей молодой вдове и защитить ее от ваших домогательств, отправив на родину. В Найроби вами крайне недовольны. Вы, сэр, отъявленный негодяй. Вы никого и ничего не уважаете.

– Отправили на родину? – Леон побледнел, хотя из-за грязи и щетины это и осталось незамеченным. – Верити отослали домой?

– Ага, знаете, о ком речь. Да, бедная миссис О'Хирн возвратилась в Англию. Отбыла неделю назад.

Сообщив новость, Снелл выдержал паузу – его распирало от радости. Вообще-то, он сам привлек внимание губернатора к этой грязной истории. Майору всегда нравилась Верити О’Хирн. Нет, не так – он находил ее дьявольски соблазнительной и после смерти ее мужа часто предавался мечтам, в которых утешал и защищал несчастную вдову. Не раз и не два он украдкой любовался ею, когда она пила чай с его женой и другими членами Женского института. Такая юная, милая, веселая. И рядом с ней Мэгги Снелл – старая, некрасивая, раздражительная. Когда до него дошли слухи о ее шашнях с одним из его лейтенантов, Снелл очень удивился. Потом очень разозлился. Добродетель и репутация Верити О’Хирн оказались под угрозой, и его долг состоял в том, чтобы защитить ее. И он отправился к губернатору.

– Так вот, Кортни, никаких доказательств я вам предъявлять не намерен. Дело теперь за трибуналом. Ваши бумаги переданы капитану Робертсу из Второго батальона. Он согласился выступить в роли обвинителя. – (Эдди Робертс был одним из любимчиков Снелла.) – Вам будут предъявлены обвинения в дезертирстве, трусости, нарушении служебного долга и неисполнении приказа вышестоящего офицера. Защитником выступит второй лейтенант Сэмпсон из того же батальона. Знаю, вы друзья, так что, думаю, возражать не станете. Найти третьего оказалось не так-то легко. Сам я, разумеется, участвовать в заседании не могу, поскольку мне нужно будет давать показания, а большинство офицеров заняты в операциях против повстанцев. К счастью, в порту Момбасы пришвартовался лайнер «Пи энд Оу». Идет из Индии в Саутгемптон, на борту офицеры-отпускники. Простоит здесь весь уик-энд. Я договорился с полковником и двумя капитанами; приедут из Момбасы в Найроби поездом – вот вам и полный состав. Ждем сегодня в восемнадцать ноль-ноль. В Момбасу им нужно вернуться к пятнице, так что заседание начнем завтра утром. Я пришлю к вам лейтенанта Сэмпсона, чтобы вы смогли проконсультироваться и подготовиться к защите. Приведите себя в порядок, Кортни. Какое жалкое зрелище! От вас воняет. Умойтесь, почиститесь и завтра утром будьте готовы предстать перед трибуналом. До тех пор считайте, что вы под домашним арестом.

– Сэр, я требую встречи с полковником Баллантайном. И мне нужно больше времени для подготовки защиты.

– Очень жаль, Кортни, но полковника в Найроби в данный момент нет. Отбыл на подавление беспорядков с Первым батальоном. Нанди необходимо преподать суровый урок за побоище в Ниомби. Ждать его возвращения в ближайшие недели не приходится. После того как полковник погасит последние очаги восстания и вернется, ему будет сообщено о вашей просьбе. – Снелл холодно улыбнулся. – Это все. Арестованный, вольно!

– Караул, смирно! – проревел сержант Мфефе. – Крругом! Шагом ’арш! Левой... левой...

Через несколько секунд лейтенанта уже вели под конвоем через парадный плац по направлению к офицерским квартирам. Все происходило так быстро, что он не успевал привести в порядок мысли.

Леон жил в рондавеле, однокомнатном, круглой формы строении с соломенной крышей. Располагалось оно среди вытянувшихся в линию себе подобных. Каждый такой домишко занимал неженатый офицер. У двери сержант Мфефе остановился, лихо откозырял и, пряча глаза, негромко сказал на кисуахили:

– Мне жаль, что так случилось, лейтенант. Знаю, вы не трус.

За двадцать пять лет службы сержанту еще ни разу не доводилось арестовывать и брать под стражу одного из своих офицеров, и в сложившейся ситуации он чувствовал себя не в своей тарелке, как будто его унизили, заставив сделать что-то постыдное.

В роте Леон пользовался популярностью – подчиненные всегда радовались успехам своего лейтенанта в крикете и поло, а отдавая честь, всегда добавляли ослепительную африканскую улыбку, – и все же слова сержанта глубоко его тронули.

– Когда вы ушли, – скрывая смущение за торопливостью, добавил Мфefe, – к главным воротам приходила какая-то леди. Она оставила для вас коробку и попросила, чтобы я обязательно передал ее вам. Я принес ее в вашу комнату и положил около кровати.

– Спасибо, сержант.

Леон сконфуженно отвернулся и переступил порог скромно обставленной комнаты. Из мебели здесь были железная кровать с москитной сеткой, подвешенной к потолочной балке, одна-единственная полка и комод, переделанный из старого ящика. В комнате царили порядок и чистота. Стены, как видно, недавно побелили известью, пол блестел, натертый воском. Все его вещи были аккуратно разложены на полке над кроватью, о чем позаботился Ишмаэль, который и в отсутствие постояльца не изменял себе. Единственным посторонним и потому еще не имеющим закрепленного за собой постоянного места предметом был прислоненный к стене длинный кожаный футляр.

Леон опустился на кровать. Столько несчастий на голову, и все сразу. Впору отчаяться. Он рассеянно потянулся за футляром, положил его на колени. Дорогая кожаная обшивка местами потерлась, – похоже, футляру пришлось немало путешествовать. В пользу этого говорили и наклеенные сбоку ярлыки паровозных компаний. Ключи от трех крепких латунных замков висели на ручке. Воспользовавшись ими, Леон открыл замки, поднял крышку и с изумлением уставился на содержимое футляра. В углублениях обитого зеленым сукном днища лежали компоненты охотничьего ружья и прилегающие к нему шомпол, масленка и прочие аксессуары. К внутренней стороне крышки была привинчена металлическая табличка:

*«Холланд энд Холланд» Производители ружей, винтовок и пистолетов
98, Нью-Бонд-стрит. Лондон*

Бережно и осторожно, как того и требовала почтенная марка, Леон собрал винтовку, вставил стволы, скрепил их с цевьем. Провел ладонью по смазанному маслом и гладкому как шелк ложу орехового дерева. Потом поднял ружье и прицелился в маленького геккона, повисшего головой вниз на дальней стене. Приклад идеально вошел в плечо. Мушка в прорези прицела накрыла голову ящерицы.

– Бац- бац – убит, – сказал Леон и рассмеялся – в первый раз после возвращения в батальон.

Он опустил ружье и прочитал выгравированную на стволах надпись: «X&X ройял. 470 нитро-экспресс». Внимание привлекла вставленная в приклад овальной формы инкрустация из чистого золота. Выгравированные на ней буквы обозначали первого владельца оружия: П. О'Х.

– Патрик О'Хирн, – прошептал лейтенант.

Великолепное оружие принадлежало погибшему мужу Верити. Он бережно положил ружье на подушку, взял конверт, прикрепленный к зеленому сукну с внутренней стороны крышки, отковырнул ногтем сургучную печать и достал два сложенных листка. Первый был датирован 29 августа 1909 года.

Тем, кого это может касаться. Ружье с серийным номером 1863 продано мною лейтенанту Леону Кортни, от которого получена в качестве оплаты полная и окончательная сумма, двадцать пять гиней. Подписано: Верити Эбигейл О'Хирн

Составив этот документ, Верити сделала Леона законным владельцем оружия, и теперь уже никто не мог оспорить его право собственности. Он открыл второй конверт. Здесь никакой даты не было, и почерк, мелкий и неровный, мало напоминал тот, которым она написала расписку. Две чернильные кляксы подтверждали, что послание было написано в спешке и сильном волнении.

Милый, милый Леон!

Когда ты возьмешь в руки это письмо, я буду на пути в Ирландию. Не хотела возвращаться, но выбора мне не оставили. В глубине души я понимаю, что тот, кто отсылает меня домой, прав и что так оно к лучшему. В следующем году мне исполнится тридцать, а тебе всего лишь девятнадцать, и ты всего лишь лейтенант. Уверена, когда-нибудь ты станешь генералом, твою грудь украсят медали, а имя будет овеяно славой, но я к тому времени превращусь в старуху. Мне нужно уезжать. Мой дар тебе – свидетельство моих чувств. Иди дальше и забудь меня. Ищи счастья где-нибудь еще. Я же удержу тебя в памяти так крепко, как держала когда-то в объятиях.

Вместо подписи – одна буква «В». Леон прерывисто вздохнул и, сдерживая подступившие к глазам слезы, стал перечитывать письмо. На последней строчке в дверь вежливо постучали.

– Кто там?

– Это я, эфенди⁸.

– Минутку, Ишмаэль.

Леон поспешно вытер слезы тыльной стороной ладони, спрятал письмо под подушку и убрал ружье в футляр, а футляр задвинул под кровать.

– Входи же, возлюбленный пророка, – крикнул он.

Ишмаэль, правоверный мусульманин и коренной суахили, вошел в комнату с цинковой ванной на голове.

– С возвращением вас, эфенди. Вы вернули солнце в мое сердце.

Поставив ванну на пол, он принялся наполнять ее горячей водой, которую брал из бака, стоящего на костре позади домика. Потом, чтобы не терять времени, пока кипяток будет остывать до приемлемой температуры, развернул простыню, накинул ее Леону на плечи и, вооружившись ножницами и щеткой, взялся на стрижку. Дело это было непростое, поскольку волосы на голове лейтенанта слиплись от пота и покрылись коркой пыли. Работал Ишмаэль, как всегда, ловко и быстро, а когда закончил, удовлетворенно кивнул и принес глиняную чашку и бритву. Сначала он намылил жесткую щетину мягким мылом, потом взбил пену и наконец, заточив лезвие, вручил бритву Леону. Пока лейтенант брился, Ишмаэль стоял перед ним, держа в руках маленькое зеркальце.

– Ну как я теперь выгляжу? – поинтересовался Леон, когда слуга снял с его плеч простыню.

– Ваша красота ослепит гурий рая, – торжественно заявил Ишмаэль, пробуя воду одним пальцем. – Готова.

Леон стащил с себя провонявшие лохмотья, швырнул их в дальний угол и, подойдя к ванне, со вздохом наслаждения опустил в горячую воду. Поскольку ванна была невелика, сидеть в ней приходилось, поджав колени. Ишмаэль, собрав грязную одежду, удалился, но дверь оставил открытой. Через минуту в комнату, даже не постучав, ввалился Бобби Сэмпсон.

– Творение красоты – радость на века, – с ухмылкой изрек он.

Высоченный, немного нескладный, но дружелюбный и приветливый Бобби был всего лишь на год старше Леона. Самые младшие офицеры в полку, они сошлись с первых дней знакомства, хотя в основе завязавшейся дружбы лежал прежде всего инстинкт выживания. Скрепила дружбу совместная покупка у одного индуса, владельца небольшой кофейной плантации, ветхого, битого-перебитого автомобиля «воксхолл». За старичка пришлось выложить три

⁸ *Эфенди* – ранее титул и офицерское звание в Османской империи и ряде стран Востока; обращение к вышестоящему лицу.

фунта и десять шиллингов – едва ли не все их объединенные накопления. Приложив немало стараний, работая допоздна, они восстановили его почти в прежнем блеске.

Едва войдя, Бобби плюхнулся на кровать, заложил руки за голову, скрестил ноги и с минуту разглядывал геккона, который висел теперь у него над головой.

– Ну что, старичок, похоже, ты все-таки вляпался в неприятности. Что? Наверное, уже знаешь, что Фредди Лягушонок намерен предъявить тебе кучу обвинений. Мне случайно удалось заполучить список. Что? – Бобби сунул руку в карман мундира, вытащил какие-то смятые бумажки и, разгладив их на груди, помахал перед Леоном. – Тут есть весьма любопытные детали. Признаюсь, твоя испорченность производит сильное впечатление. Плохо то, что мне приказано тебя защищать. Что?

– Ради бога, Бобби, прекрати. Твое «что» жутко меня бесит.

Бобби изобразил раскаяние:

– Извини, старик. Признаюсь, понятия не имею, что со всем этим делать.

– Ты идиот.

– Согласен, но с этим ничего не поделаешь. Мама уронила меня в детстве головой на пол. Что? Не знал? Ладно, давай к делу. Как по-твоему, что я должен говорить?

– Ты должен ошеломить судей остроумием и эрудицией.

С приходом Бобби градус настроения пошел вверх – за нескладным фасадом скрывался острый, пронизательный ум.

– Запасы остроумия и эрудиции на данный момент малость истощились, – вздохнул Бобби. – Что еще у нас есть?

Леон поднялся из ванны, расплескивая по полу мыльную воду. Бобби, скрутив в комок оставленное Ишмаэлем полотенце, запустил им другу в голову.

– Для начала давай вместе прочитаем обвинения, – предложил Леон, заворачиваясь в полотенце.

– Блестящая идея, – обрадовался Бобби. – Всегда подозревал, что в тебе спит гений.

Леон натянул штаны.

– Здесь и посидеть-то не на чем, – проворчал он. – Подвинь-ка свою жирную задницу.

Бобби подтянулся, освобождая место для друга, и Леон сел рядом с ним. Листки разложили на коленях.

Когда стемнело, Ишмаэль принес и повесил к потолку круглую лампу. Некоторое время они еще работали при ее чахлом желтоватом свете, пока Бобби не стал зевать и тереть глаза. Наконец он достал из кармана часы и откинул крышку.

– Послушай, уже за полночь, а нам надо быть в суде к девяти. На сегодня хватит. Кстати, хочешь знать, каковы твои шансы получить оправдательный приговор?

– Большого желания нет, – ответил Леон.

– Если бы ты назвал один к тысяче, я бы, пожалуй, и двух полупенни не поставил. Другое дело, если бы нам удалось разыскать этого твоего сержанта. История могла бы предстать совсем в ином свете.

– Держи карман шире, так он и появится. Сержант Маниоро сейчас в нескольких сотнях миль отсюда.

Для проведения судебного заседания был задействован зал офицерской столовой. За столом на помосте расположились трое судей. Ниже поставили еще два: один – для защиты, а другой – для обвинения. В небольшом помещении было жарко. Слуга на веранде тянул за веревку, которая уходила в дыру в потолке и посредством блоков и шкивов передавала усилие висящему над судейским столом вентилятору. Лопасты монотонно вертелись, шевеля тяжелый, дремотный воздух и создавая иллюзию прохлады.

Со своего места за столом защиты Леон Кортни рассматривал судей. Предъявленные ему обвинения в трусости, дезертирстве, преступной халатности и неисполнении приказов старшего офицера вполне тянули на высшую меру наказания: расстрел. От этой мысли становилось не по себе. Люди на возвышении держали в своих руках его судьбу: жить или умереть.

– Смотри в глаза и говори громче, – прошептал, прикрываясь блокнотом, Бобби. – Так мне всегда отец говорил.

Сказать, что судьи излучали человечность и сочувствие, было бы неверно. В центре сидел самый старший, индийский полковник, приехавший из Момбасы утренним поездом. Поездка, похоже, не пошла ему на пользу, на что указывало унылое и кислое, как бывает при несварении, выражение лица. С этим выражением плохо вязалась пышная форма 11-го Бенгальского уланского полка. На груди – два ряда орденских лент, сапоги для верховой езды начищены до блеска, хвост яркого шелкового тюрбана переброшен через плечо. Лицо красное из-за солнца и виски, глаза горят, как у леопарда, смазанные воском кончики усов лихо закручены вверх.

– Настоящий людоед, – прошептал, проследив за взглядом друга, Бобби. – Вот кого нам нужно убедить в первую очередь. И можешь мне поверить, это будет нелегко.

– Джентльмены, мы готовы? – прогремел старший судья, поворачиваясь к сидевшему за столом обвинению Эдди Робертсу. – Начнем?

– Так точно, полковник, – почтительно поднявшись, ответил Робертс.

Он давно ходил в любимчиках у Лягушонка Снелла, за что и был избран обвинителем.

Председатель перевел холодный взгляд на стол защиты:

– А что у вас?

Бобби так торопливо вскочил со стула, что аккуратно сложенная стопка листочков вспорхнула и веером разлетелась по полу.

– Вот беда! – смущенно пробормотал он, опускаясь на колено, чтобы собрать бумажки. – Прошу извинить, сэр.

– Вы готовы?

В тесной комнате бас полковника Уоллеса звучал корабельной сиреной.

– Да, сэр. Готовы.

Бобби воззрился на полковника снизу вверх, прижимая к груди собранные листки и отчаянно краснея.

– Времени у нас в обрез, не неделю ж сидеть. Так что давайте к делу, молодой человек.

Адъютант, совмещавший в этот день обязанности писаря и судебного секретаря, зачитал список предъявленных лейтенанту Кортни обвинений, после чего слово было предоставлено Эдди Робертсу. Держался Эдди уверенно, говорил четко и убедительно. Судьи слушали его внимательно.

– А Эдди хорош, черт его дерит, – уныло прошептал Бобби. – Что?

После вступительной части Эдди вызвал первого свидетеля обвинения, майора Снелла, который, отвечая на его вопросы, подтвердил изложенные факты. Потом Эдди попросил майора дать обвиняемому служебную характеристику, рассказать о том, как лейтенант исполнял обязанности до отправки в Ниомби. Снелл был слишком хитер, чтобы выставить себя откровенным недоброжелателем, предвзято относящимся к провинившемуся лейтенанту. Тем не менее его сдержанный, весьма прохладный отзыв прозвучал недвусмысленным осуждением.

– Отвечая на этот вопрос, я отметил бы, что лейтенант Кортни мастерски играет в поло и увлекается охотой на крупного зверя. Эти забавы отнимают у него много времени, которое можно было бы использовать с большей пользой.

– А поведение вне службы? Не был ли лейтенант Кортни замешан в каких-либо скандалах?

Бобби моментально вскочил:

– Возражение, мистер председатель. Вопрос подразумевает ответ, основанный на догадках и слухах. Поведение моего подзащитного в свободное от службы время не имеет никакого отношения к предъявленным обвинениям.

– Что скажете?

Полковник Уоллес выжидающе посмотрел на Эдди Робертса.

– Полагаю, сэр, моральная репутация обвиняемого имеет самое непосредственное отношение к делу.

– Возражение отклонено. Свидетель может ответить на вопрос.

– Вопрос... вопрос... – Эдди для виду заглянул в свои заметки. – Да... Не был лейтенант Кортни замешан в каких-либо скандалах?

Именно этого вопроса Снелл и ждал.

– Вообще-то, один неприятный инцидент действительно имел место. Дело связано с молодой женщиной, вдовой. Непристойное поведение обвиняемого не только бросило тень на честь полка, но и вызвало возмущение местного общества. В создавшейся ситуации губернатору колонии, сэру Чарльзу Элиоту, ничего не оставалось, как настоятельно порекомендовать упомянутой леди вернуться на родину.

Все трое судей повернулись к Леону, и выражение их лиц не сулило ничего хорошего. После смерти старой королевы прошло всего лишь несколько лет, и старшие поколения, несмотря на пикантную репутацию ее сына, правящего монарха, все еще находились под влиянием строгих нравов Виктории.

Бобби написал что-то на листке и подвинул блокнот к Леону. «По этому вопросу перекрестного допроса не будет. Согласен?»

Он хмуро кивнул.

После затянувшейся паузы – за это время судьи должны были, по замыслу обвинения, усвоить важность предыдущего свидетельства – Эдди взял со стола толстую книгу.

– Майор Снелл, вам знакома эта книга?

– Конечно. Это батальонная книга приказов.

Эдди открыл книгу на заложенной странице и зачитал отрывок, из которого следовало, что Леону с отделением поручалось отбыть в бому Ниомби. Закончив, он снова обратился к своему свидетелю:

– Майор Снелл, вы этот приказ отдали обвиняемому?

– Да.

Эдди кивнул и, заглянув в книгу, процитировал:

– «...должно проследовать к месту назначения как можно быстрее...» – Он посмотрел на Снелла и повторил: – Как можно быстрее. Вы этого потребовали?

– Да.

– В данном случае обвиняемому потребовалось восемь дней, чтобы достичь места назначения. Вы считаете, что он исполнил приказ в части «как можно быстрее»?

– Нет, я так не считаю.

– Оправдывая задержку, обвиняемый сослался на тот факт, что по пути в Ниомби он наткнулся на следы отряда мятежников и счел своим долгом преследовать их. Вы согласны с тем, что это решение согласовалось с отданным вами приказом?

– Определенно нет! Лейтенант Кортни должен был во исполнение приказа идти к Ниомби для охраны находящейся там миссии.

– Как вы считаете, мог ли обвиняемый с достаточной уверенностью определить, что обнаруженные им следы оставлены именно мятежниками нанди, а не кем-то другим?

– Считаю, что не мог. Я вообще сильно сомневаюсь, что те следы были оставлены людьми. Принимая во внимание увлечение лейтенанта Кортни охотой, полагаю, что следы могли принадлежать слону, чем и объясняется интерес к ним обвиняемого.

– Возражаю, ваша честь! – запротестовал Бобби. – Предположение со стороны свидетеля. Прежде чем судья успел вынести решение, голос подал Эдди.

– Сэр, я снимаю вопрос, – заявил обвинитель, вполне довольный уже и тем, что сумел посеять сомнение в умах членов трибунала. Затем Эдди переключился на представленный Леоном рапорт. – Обвиняемый утверждает, что, хотя все его люди погибли, а сержант был ранен, он доблестно оборонял бому и ушел только после того, как нанди подожгли здание. – Эдди постукал пальцем по странице. – Здесь сказано, что, выбравшись из горящего здания, он, используя дым как прикрытие, унес сержанта на безопасное расстояние. Этому можно верить?

Снелл снисходительно улыбнулся:

– Я знаю сержанта Маниоро. Это крупный мужчина, ростом более шести футов.

– У меня здесь выписка из медицинского освидетельствования. Рост – шесть футов и три дюйма. Действительно, крупный мужчина. Согласны?

– Конечно, – кивнул Снелл. – А обвиняемый утверждает, что нес его более тридцати миль и при этом избежал встречи с мятежниками. – Он покачал головой. – Сомневаюсь, что даже лейтенант Кортни способен на такой подвиг.

– Что же, по-вашему, случилось с сержантом?

– Я считаю, что обвиняемый бросил его в Ниомби с остальными бойцами и сбежал один.

– Возражение! – Бобби снова вскочил со стула. – Свидетель лишь высказывает собственное предположение!

– Возражение принято. Секретарю следует вычеркнуть последний вопрос и ответ на него из протоколов заседания, – сказал полковник, бросив, однако, неодобрительный взгляд в сторону Леона.

Эдди Робертс справился со своими заметками.

– Мы знаем, что посланная в Ниомби колонна не нашла тела сержанта. Как вы объясняете данный факт?

– Должен поправить вас, капитан Робертс. Нам лишь известно, что сержанта не удалось опознать среди убитых. А это совсем другое дело. В сгоревшем доме было обнаружено несколько трупов, но все они сильно обгорели. Другие были изуродованы мятежниками до неузнаваемости и даже обезглавлены. Следует помнить и о том, что останки пострадали от хищных птиц и гиен. Возможно, сержанта просто не опознали.

Бобби устало потер лицо:

– Возражаю. Предположение.

– Поддерживаю. Пожалуйста, майор, придерживайтесь фактов.

Снелл и Робертс переглянулись – они явно были довольны собой.

– Если сержант Маниоро все же спасся с помощью обвиняемого, – сухим, казенным голосом продолжал Эдди, – где, по-вашему, он может сейчас находиться?

– Не могу знать.

– Может быть, он в родной деревне? Навещает мать, как утверждает в своем рапорте обвиняемый?

– На мой взгляд, это крайне маловероятно. – Снелл со скорбной миной покачал головой. – Боюсь, мы никогда не увидим сержанта Маниоро.

В перерыве на ланч судьи отдали должное холодной жареной куропатке и отведали шампанского на широкой веранде офицерской столовой. После ланча слушание возобновилось. Эдди и Снелл еще пару часов продолжали играть в обвинителя и свидетеля. Наконец капитан повернулся к старшему судье:

– Ваша честь, я закончил. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Все прошло по плану; Эдди был доволен собой и не пытался скрывать этого.

– Лейтенант? У вас есть вопросы к свидетелю обвинения? – спросил полковник, доставая из кармана часы. – Я хотел бы закончить все к завтрашнему вечеру. Нам еще нужно вернуться в Момбасу и успеть на корабль, который уходит в пятницу вечером.

Судя по всему, для себя председатель уже все решил.

Бобби попытался рассеять сложившееся у судей мнение, забросав Снелла вопросами, но из этого ничего не получилось – в первую очередь из-за слабости его собственной позиции. Майор держался уверенно, а отвечал таким снисходительным тоном, будто разговаривал с несмышленным ребенком. Несколько раз он обменивался с судьями заговорщическими взглядами.

В конце концов полковник снова извлек золотые часы и громогласно объявил:

– Джентльмены, на сегодня достаточно. Возобновим заседание завтра в девять утра.

С этими словами он поднялся и, сопровождаемый двумя своими товарищами-судьями, направился к бару в задней части столовой.

– Боюсь, похвастать нечем, – признался Бобби, когда они с Леоном вышли на веранду. – Теперь все зависит от твоих завтрашних показаний.

Ишмаэль принес им обед и по бутылке пива из пристроенной к рондавелю Леона кухни. Стульев в комнате не было, так что устроились на полу. Ели без аппетита, стратегию на следующий день обсуждали также без особенного энтузиазма.

– Мне вот интересно, не упадешь ли ты в глазах местных дам, когда встанешь с повязкой на глазах к стенке? – задумчиво сказал Бобби. – Или так и останешься лихим красавчиком?

– Проваливай и не каркай! – прикрикнул на него Леон. – Мне еще выпасться надо.

Сон не шел, и он ворочался, крутился и потел чуть ли не до рассвета. В конце концов встал и зажег лампу. Потом, не одеваясь, в одних нательных штанах шагнул к двери – общественная уборная находилась в самом конце улочки. Ступив на веранду, лейтенант едва не наткнулся на группу мужчин, сидевших на корточках прямо за дверью. Он отпрянул и поднял лампу повыше:

– Вы еще кто такие?

Гостей было пятеро, и, приглядевшись, Леон заметил, что все они одеты в охряно-красные шуки.

Один из них поднялся.

– Приветствую тебя, М'бого, – сказал он, и костяные сережки блеснули в свете лампы почти так же ярко, как и его зубы.

– Маниоро! Ты какого черта здесь делаешь? – почти закричал Леон – давивший на сердце камень свалился, и его захлестнула волна радости.

– Лусима Мама послала меня. Сказала, я тебе нужен.

– А почему ж так долго? – Ему хотелось обнять сержанта.

– Я очень спешил, и братья мне помогали. – Маниоро указал на сидевших за его спиной мужчин. – За два дня дошли до Наро-Мору. Там нам разрешили сесть на поезд. Ехали на крыше. Очень быстро.

– Что ж, Мама права. Брат, мне очень нужна твоя помощь.

– Лусима Мама всегда права, – сказал Маниоро. – А теперь скажи, что за беда с тобой приключилась? Снова будем воевать?

– Да, – ответил Леон. – Нас ждет большая война!

Пятеро масаи переглянулись, – похоже, такая перспектива устраивала их как нельзя лучше.

Разбуженный голосами, из своей пристройки выбрался заспанный Ишмаэль.

– В чем дело, эфенди? Снова эти неверные? Они вам мешают? Мне их прогнать?

Одетого в шуку Маниоро слуга не узнал.

– Нет, Ишмаэль, не надо никого прогонять. Беги-ка побыстрее к лейтенанту Бобби да скажи, чтоб немедленно шел сюда. Случилось нечто чудесное. Господь услышал наши молитвы.

– Аллах велик! Милость Его недоступна пониманию, – подтвердил Ишмаэль и неспешно, не теряя достоинства, потрусил к дому Бобби.

– Прошу вызвать в качестве свидетеля сержанта Маниоро! – громко, твердым голосом объявил лейтенант Сэмпсон.

В офицерской столовой повисла гробовая тишина. Судьи оторвались от своих записей и, заметно оживившись, повернулись к двери, через которую, хромя и опираясь на неуклюжий самодельный костыль, в зал вошел Маниоро. Он был в своей лучшей, парадной форме, с аккуратно наложенной свежей повязкой на бедре и босиком. Кокарда на красной феске и пряжка ремня, любовно начищенные средством для полировки «Брассо», сияли как звезды. За ним, безуспешно стараясь скрыть довольную ухмылку, промаршировал сержант Мфефе. Подойдя к возвышению, сия живописная парочка остановилась и лихо отковыряла с интересом наблюдавшим за ними судьям.

– Сержант Мфефе будет переводить для тех, кто не силен в кисуахили, – объяснил Бобби и, когда Маниоро привели к присяге, посмотрел на переводчика. – Пожалуйста, сержант, попросите свидетеля назвать свое имя и звание.

– Я – сержант Маниоро роты С Третьего батальона Первого полка КАС, – гордо ответил Маниоро.

Майор Снелл помрачнел и, похоже, пал духом. Он лишь теперь, с опозданием, узнал Маниоро. Не раз и не два Леон был свидетелем того, как майор, пропустив в баре три-четыре стаканчика виски, заявлял, что не различает «этих черномазых образин». Столь уничижительные, оскорбительные замечания были типичны только для Снелла – другие офицеры никогда не позволяли себе ничего подобного по отношению к состоящим под их командой людям.

«Что ж, Лягушонок, присмотришься теперь хорошенько к этой черной образине, – с радостным злорадством подумал Леон. – Забудешь ты ее не скоро».

– Ваша честь, – обратился Бобби к старшему судье, – позвольте свидетелю давать показания сидя. Стрела попала ему в правое бедро, и, как вы сами можете убедиться, рана еще не зажила.

Взгляды присутствующих устремились на свежую повязку, наложенную утром полковым хирургом. Кое-где через бинты уже просочилась кровь.

– Конечно, пусть садится, – сказал полковник. – Кто-нибудь, принесите стул.

Все подались вперед, с любопытством ожидая продолжения. Майор Снелл и Эдди Робертс о чем-то возбужденно шептались, причем Эдди то и дело качал головой.

– Сержант, этот человек – ваш командир? – спросил Бобби, указывая на сидящего рядом Леона.

Маниоро кивнул:

– Бвана лейтенант, он мой командир.

– Вы были с ним на марше к боме Ниомби?

– Был, бвана лейтенант.

– Сержант, вам вовсе не обязательно называть меня «бвана лейтенант», – сказал ему на кисуахили Бобби.

– Ндио, бвана лейтенант, – согласился Маниоро.

Бобби снова перешел на английский:

– Будучи на марше, встречали ли вы какие-то подозрительные следы?

– Да. Мы нашли следы отряда из двадцати шести воинов нанди. Следы вели от стены долины в направлении Гелай-Лумбва.

– Двадцати шести? Уверены?
– Конечно уверен, бвана лейтенант, – ответил Маниоро тоном человека, чье достоинство оскорблено дурацким вопросом.
– А как вы узнали, что это был именно военный отряд?
– С ними не было ни женщин, ни детей.
– Почему вы решили, что следы оставили нанди, а не масаи?
– Ступни у нанди меньше, чем у масаи, и ходят они по-другому.
– Как по-другому?
– У них короткие шаги – они же карлики. Настоящий воин ступает сначала на пятку, а потом отталкивается от земли пальцами. Нанди шлепают ногами, как брюхатые бабуины.
– Итак, вы уверены, что следы принадлежали военному отряду нанди?
– Сомневаться в этом мог бы только ребенок или полный глупец.
– И куда они направлялись?
– В сторону миссии Накуру.
– Как по-вашему, они собирались напасть на миссию?
– Не думаю, что нанди шли туда, чтобы попить пива со священниками, – с самым серьезным выражением ответил Маниоро.

Сержант Мфefe перевел сказанное, и полковник, коротко гоготнув, покачал головой. Остальные судьи заулыбались.

Эдди был чернее тучи.

– Вы сказали обо всем этом своему лейтенанту? Обсудили с ним, что делать дальше?

– Конечно.

– И он отдал приказ преследовать нанди?

Маниоро кивнул:

– Мы шли за ними два дня, но потом подобрался слишком близко, и они догадались, что им грозит.

– Как они могли догадаться?

– В буше спрятаться было негде, и даже у нанди есть глаза, – терпеливо объяснил Маниоро.

– Тогда ваш командир и приказал прекратить преследование и идти к Ниомби. Вы не знаете, почему он не решился вступить с ними в бой?

– Двадцать шесть нанди разбежались по двадцати шести направлениям. Мой лейтенант не дурак. Он знал, что мы можем поймать одного нанди, если будем долго бегать и если нам повезет. И еще он знал, что мы спугнули их и они уже не пойдут к Накуру. Мой бвана спас миссию от нападения и не хотел терять время, гоняясь за нанди.

– Но вы потеряли почти четыре дня?

– Ндио, бвана лейтенант.

– Итак, вы пришли в Ниомби. Что вы там увидели?

– Мы увидели, что на бому напал другой отряд нанди. Они убили Тервея, его жену и ребенка. Ребенка закололи копьем, а мужчину и женщину утопили, помочившись им в рот.

Судьи внимательно слушали. Отвечая на вопросы Бобби, сержант рассказал о засаде, в которую попал их отряд, и о последовавшей за этим отчаянной стычке. Внешне бесстрастно он поведал о том, что все его соплеменники пали в бою и только они с лейтенантом пробились к боме и, укрывшись в доме, отбили атаку врага.

– Можете ли вы сказать, что во время боя ваш лейтенант вел себя как мужчина?

– Он сражался, как и подобает воину.

– Скольких врагов он убил?

– Своими глазами я видел, как он убил восьмерых нанди. Может, и больше, не знаю – сам был занят.

– Потом вас ранили. Расскажите, как это случилось.
– У нас кончались патроны. Мы решили выйти на плац и собрать боеприпасы у наших убитых аскари, которые там лежали.
– Лейтенант Кортни вышел вместе с вами?
– Он вышел первым.
– И что потом?
– Один из псов-нанди попал в меня стрелой. Вот сюда.
Маниоро подтянул штанину шортов и показал перевязанное бедро.
– И вы смогли убежать с такой раной?
– Нет.
– Как же вы спаслись?
– Бвана лейтенант, когда увидел, что я ранен, вернулся на плац и перенес меня в бому.
– Вы такой большой... Как он вас перенес?
– Я большой, потому что я масаи. Но бвана Кортни очень сильный. В нашем племени ему дали имя, означающее «буйвол».

– Что было дальше?

Маниоро подробно рассказал, как они держали оборону, как отбивались, пока нанди не подожгли здание, и как им пришлось уйти под прикрытием дыма в банановую плантацию.

– Что вы делали потом?

– Когда мы вышли из банановой рощи, я попросил, чтобы бвана оставил меня с револьвером и уходил один.

– То есть вы собирались покончить с собой, потому что не могли идти и не хотели, чтобы нанди схватили вас и поступили с вами так же, как с Тервеем и его женой?

– Я бы скорее убил себя, чем умер от рук нанди, как они того хотели, но прежде прихватил бы собой нескольких шакалов, – согласился Маниоро.

– Однако ваш командир отказался оставить вас?

– Он хотел нести меня к железной дороге. Я объяснил, что до железной дороги четыре дня пути и идти придется через земли нанди. Я сказал, что до маньяты моей матери всего тридцать миль и находится она на территории масаи, куда трусливые щенки нанди сунуться не посмеют. Я сказал, что если он решил взять меня с собой, то идти нужно туда.

– И он послушал вас и сделал так, как вы предлагали?

– Да.

– Тридцать миль? Он нес вас на спине тридцать миль?

– Может быть, немного больше. Он – сильный.

– Когда вы пришли в деревню вашей матери, почему лейтенант Кортни, оставив вас там, не вернулся немедленно в Найроби?

– Он не мог идти, потому что стер в кровь ноги. Моя мать – знаменитая целительница, обладающая большой силой. Она вылечила его своими снадобьями. Бвана Кортни ушел из маньяты сразу же, как только встал на ноги.

Бобби посмотрел на трех судей, потом снова обратился к свидетелю:

– Сержант Маниоро, какие чувства вы питаете к лейтенанту Кортни?

Масаи ответил со спокойным достоинством:

– Мой бвана и я – мы братья по воинской крови.

– Спасибо, сержант. Больше у меня вопросов нет.

На какое-то время в комнате повисла тишина – искренний, бесхитростный рассказ Маниоро произвел сильное впечатление. Первым молчание нарушил полковник Уоллес:

– Лейтенант Робертс, у вас есть вопросы к свидетелю?

Эдди, торопливо проконсультировавшись с майором Снеллом, неохотно поднялся из-за стола:

– Нет, сэр. У меня нет вопросов к свидетелю.

– Еще свидетели будут? – осведомился председатель, многозначительно поглядывая на золотые часы. – Лейтенант Сэмпсон, приглашайте вашего подзащитного.

– С любезного согласия суда вызываю лейтенанта Кортни. Однако позволю себе заметить, что я почти закончил, а потому надолго суд не задержу.

– Рад это слышать. Можете продолжать.

Прежде чем Леон вышел к возвышению, Бобби передал ему стопку листков.

– Лейтенант Кортни, это тот самый рапорт, который вы по возвращении подали своему командиру?

Леон быстро просмотрел листки:

– Да, это мой рапорт.

– Нет ли в нем чего-то такого, что вы хотели бы убрать? Или, может быть, что-то добавить?

– Нет.

– Итак, вы подтверждаете под присягой, что ваш рапорт правдив и точен во всех деталях?

– Подтверждаю.

Бобби забрал у Леона листки и положил на стол перед судьями:

– Прошу приобщить данный рапорт в качестве доказательства.

– Уже приобщили, – язвительно заметил полковник Уоллес. – Мы все его прочитали. Задавайте ваши вопросы, лейтенант, и давайте заканчивать.

– У меня вопросов нет, ваша честь. Защите нечего добавить.

– Очень хорошо. – Полковник, не ожидавший, что Бобби закончит так быстро, был приятно удивлен. Оставался еще Эдди Робертс, и он хмуро посмотрел на него. – У вас вопросы будут?

– Нет, сэр. Вопросов к обвиняемому не имею.

– Отлично. – Уоллес впервые за все время улыбнулся. – В таком случае лейтенант Кортни может вернуться на место, а обвинение перейти к подведению итогов.

Эдди поднялся, изо всех сил тщаь продемонстрировать уверенность, которой ему отчаянно не хватало.

– Мне хотелось бы привлечь внимание уважаемого суда к рапорту, точность которого обвиняемый подтвердил под присягой, и показаниям сержанта Маниоро, служащим в данном случае подкрепляющим доказательством. И один, и другой подтвердили, что обвиняемый сознательно и умышленно нарушил письменный приказ следовать как можно быстрее к миссии в Ниомби. Вместо этого он занялся преследованием отряда нанди, направлявшегося, предположительно, в сторону миссии Накуру. Таким образом, обвиняемый сам признал, что отказался исполнять приказ старшего офицера. В этом никаких сомнений нет и быть не может.

Эдди взял паузу, чтобы собраться с силами и продолжить. При этом он сделал глубокий вдох, как будто собирался прыгнуть в ледяную воду.

– Что касается рабского одобрения сержантом Маниоро всех действий и поведения обвиняемого, то позволю напомнить эмоциональное и по-детски наивное заявление первого о том, что они «братья по воинской крови». – Полковник Уоллес насупился, его товарищи заерзали беспокойно на стульях. Вообще-то, Эдди надеялся на другую реакцию, а потому поспешно добавил: – Полагаю, что защита проинструктировала свидетеля перед заседанием и он, как попугай, готов повторять все, что вложат ему в рот.

– Капитан Робертс, уж не хотите ли вы сказать, что свидетель сам выстрелил себе в бедро из лука исключительно из желания покрыть трусость командира? – осведомился полковник Уоллес.

Зал взорвался хохотом, и Эдди опустил на стул.

– Тишина в суде! Пожалуйста, джентльмены, пожалуйста! – укоризненно обратился к присутствующим секретарь.

– У вас все, капитан? Вы закончили? – осведомился Уоллес.

– Да, ваша честь.

– Лейтенант Сэмпсон, что можете сказать по сути обвинения?

– Ваша честь, мы не только не согласны с обвинением по существу, но и полагаем оскорбительными и порочащими честь сержанта Маниоро высказывания стороны обвинения. Мы уверены, что суд примет во внимание показания честного, доблестного и верного солдата, чья преданность долгу и уважение к офицерам есть тот самый сплав, из которого и выкована британская армия. – Бобби обвел взглядом судей, заглянув поочередно каждому в глаза. – Джентльмены, защите добавить нечего.

– Суд удаляется для вынесения приговора. Соберемся здесь же в полдень. – Уоллес поднялся первым и, понизив голос, обратился к двум своим товарищам: – Ну что, парни, по моему, мы еще успеем на корабль.

На выходе из зала Леон наклонился и шепнул другу:

– Сплав, из которого выкована британская армия? Сильно сказано.

– А разве нет?

– Тебя угостить пивом?

– Возражать не буду.

Ровно через час полковник Уоллес занял свое место на возвышении и положил перед собой бумаги. Потом смачно прокашлялся и заговорил:

– Прежде чем перейти к оглашению приговора, мне хотелось бы отметить, что на суд произвели сильное впечатление поведение и показания сержанта Маниоро. На наш взгляд, это честный, верный, доблестный солдат. – (Бобби расцвел – полковник слово в слово повторил его характеристику.) – Мнение суда должно быть отражено в послужном списке сержанта Маниоро.

Председатель сделал небольшую паузу и, повернувшись, строго взглянул на Леона:

– Наш приговор таков. По обвинению в трусости, дезертирстве и преступной халатности признать обвиняемого невиновным. – (За столом защиты облегченно выдохнули. Бобби похлопал друга по коленке.) – Однако, – строгим голосом продолжал полковник, – понимая и признавая, что стремление обвиняемого при любой возможности навязать противнику бой полностью соответствует традиции британской армии, мы считаем, что, последовав за неприятельским отрядом и не исполнив приказа как можно быстрее идти в Ниомби, лейтенант Кортни преступил военный кодекс, требующий строгого подчинения приказам вышестоящего офицера. Следовательно, мы вынуждены признать его виновным по данному пункту.

На лицах Бобби и Леона отразилось смятение. Майор Снелл, сложив руки на груди, с самодовольной усмешкой откинулся на спинку стула.

– Перехожу к приговору. Обвиняемый, встаньте. – (Леон поднялся и, вытянувшись по стойке смирно, упер взгляд в стену за головой полковника.) – Приговор «виновен» будет занесен в послужной список обвиняемого. До окончания суда ему следует находиться под стражей, после чего незамедлительно вернуться к исполнению служебных обязанностей во всей полноте и соответствии его званию. Боже, храни короля! Заседание окончено! – Уоллес поднялся, поклонился присутствующим и повел своих товарищей к бару. – Время до поезда у нас еще есть. Я буду виски. А вы, парни?

Направляясь к выходу из зала суда, вновь восстановленного в прежнем статусе офицерской столовой, Бобби и Леон поравнялись со столом, за которым сидел Снелл. Майор поднялся и надел фуражку, заставив лейтенантов вытянуться и отдать честь. Выпученные бледно-голубые глаза и растянутые в недовольной гримасе губы придавали ему сходство не столько с

лягушкой, сколько с отвратительной ядовитой жабой. Выдержав паузу, он небрежно козырнул в ответ.

– Завтра утром, Кортни, явитесь за очередным приказом. Быть у меня ровно в восемь ноль-ноль, – отрывисто бросил он.

– Что-то мне подсказывает, что подружиться с Лягушонком у тебя не получится, – пробормотал Бобби, когда они вышли на залитый солнцем плац. – Думаю, он сделает все возможное, чтобы разнообразить твое унылое существование, наполнить его смыслом и содержанием. Вот увидишь, завтра тебя отправят в пешее патрулирование к озеру Натрон или в какое-нибудь другое богом забытое местечко. Увидимся мы не раньше чем через месяц, зато ты согласишься страну.

Аскари, увидев своего лейтенанта, столпились вокруг.

– Джамбо, бвана, – приветствовали они его. – С возвращением.

– Что ж, по крайней мере, друзья у тебя остались, – утешил его Бобби. – А пока тебя не будет, можно мне попользоваться нашей развалюхой?

Прошло несколько месяцев...

Два всадника неспешно ехали по берегу реки Ати. За ними, держась на некотором расстоянии, следовали конюхи со сменными лошадьми. Головы их защищали от солнца шляпы с широкими опущенными полями; пики они держали острием вниз. Позади них расстилалась до самого горизонта широкая зеленая равнина, усыпанная темными точками – стадами зебр, страусов, антилоп импала и гну. Пара жирафов свысока посмотрела на проехавших мимо людей большими черными глазами.

– Сэр, я этого больше не вынесу, – сказал Леон, обращаясь к своему спутнику и дяде. – Мне ничего не остается, как просить о переводе в другой полк.

– Мой мальчик, я очень сомневаюсь, что тебя где-то ждут. В твоём послужном списке большая черная клякса, – ответил полковник Пенрод Баллантайн, командир 1-го полка КАС. – Как насчет Индии? У меня есть там старые друзья по Южной Африке – могу замолвить словечко.

– Спасибо, сэр. О том, чтобы покинуть Африку, я и не думаю. Кто попробовал нильской водицы, тот никакой другой уже не захочет.

Пенрод кивнул – другого ответа он и не ожидал. Достав из нагрудного кармана серебряный портсигар, полковник вытащил сигарету для себя и предложил другую племяннику.

– Спасибо, сэр, но я не увлекаюсь.

Прежде чем дядя закрыл портсигар, Леон успел прочесть выгравированную на внутренней стороне крышки надпись: «Двухпенсовику, с наилучшими пожеланиями в день 50-летия от любящей супруги, Сэффрон»⁹. Он усмехнулся про себя – тетя всегда отличалась своеобразным чувством юмора. Когда-то, в молодости, она называла мужа Пенни, но после тридцати лет брака решила увеличить его ценность вдвое.

– Сэр, если меня нигде не ждут, придется подать в отставку. Надоело. Три года хожу кругами без какого-либо продвижения. И все по милости майора Снелла. Больше я так не могу.

Придумать подходящий ответ Пенрод не успел – его внимание привлекло какое-то движение на берегу. Из густых зарослей кустарника выбежал бородавочник. Загнутые вверх белые клыки почти сходились над комично омерзительной мордой, украшенной черными, похожими на бородавки кожными наростами, из-за которых это похожее на дикого кабана животное и получило свое название. Короткий, с клочками шерсти хвост стоял торчком, как указующая в небо линейка.

– Вперед! – крикнул Пенрод, прищипывая лошадь. – Ату!

⁹ В романе «Триумф солнца» женой Пенрода Баллантайна стала Эмбер, сестра Сэффрон.

Леон, пригнувшись к шее коня и взяв наперевес короткое копьё, устремился за ним.
– Господи, ну и уродина! А здоровый! Какие клыки! Дядя, он наш!

Кобылка полковника шла легко, быстро приближаясь к добыче, гнедой мерин Леона отставал на полкорпуса. Бородавочник, слышав стук копыт, остановился и оглянулся. Секунду зверь тарасился на несущихся во весь опор лошадей, потом развернулся и, взбивая в пыль иссушенную землю, помчался через равнину. Впрочем на победу в состязании на скорость ему рассчитывать не приходилось.

Догнав бородавочника, полковник нацелил копьё на «лысый» участок серой кожи между бугристыми лопатками животного.

– Коли его, Двухпенсовик!

В порыве азарта с языка сорвалось имя, эксклюзивное право на использование которого принадлежало тете Сэффрон. Полковник, правда, то ли не услышал, то ли не обратил внимания – во всяком случае, виду не подал. Выбрав момент, он нанес удар, и копьё устремилось к цели – холке кабана. Однако в последний момент зверь метнулся в сторону и проскочил между передними ногами лошади. Ни порода, ни привычка гоняться за скачущим по площадке мячом в данном случае не помогли – среагировать на маневр бородавочника кобыла не успела и пролетела мимо. Наконечник копья скользнул по толстой шкуре, лишь слегка ее оцарапав. Пенрод рванул уздечку, заворачивая лошади голову, и она вздыбилась, закусив удила, пуча шальные глаза.

– Давай, милая! Поднажми! Ну же, пошла! – увещевал Пенрод, трогая бока сточенными шпорами.

Кобыла развернулась, готовая продолжить погоню, и тут прямо перед ней промчался Леон. Его скакун неся за кабаном как привязанный, в точности повторяя все отчаянные маневры. Дичь и охотник пошли по кругу. Пенрод рассмеялся:

– Не отпускай! Да следи за клыками – он едва тебя не достал!

Бородавочник, повернув назад, оказался с левой, неудобной для охотника стороны и уже почти достиг спасительных кустов, тех самых, из которых опрометчиво вылез пару минут назад, но Леон, привстав на стременах, ловко перебросил копьё из правой руки в левую и рассчитанным ударом вогнал наконечник между лопатками зверя. Мерин пролетел над сраженным зверем, и лейтенант выпустил копьё, чтобы не потянуть запястье. Стальной наконечник и два фута древка блестели от свежей крови. Раненный в сердце, кабан завизжал. Передние ноги подогнулись, и зверь упал мордой в землю, потом перевалился на бок, взбрыкнул задними ногами и замер.

– Отличная работа, сэр! Идеальный удар! – Пенрод подъехал к племяннику и натянул поводья. Оба рассмеялись. – Как это ты назвал меня минуту назад?

– Прошу прощения, дядя. Я не нарочно. Вырвалось.

– Вырвалось? Ну так засунь обратно, негодник. Неудивительно, что Лягушонок Снелл так на тебя взъелся. Сказать по правде, в глубине души я его понимаю. И даже сочувствую.

– Уф, в горле пересохло. Как насчет чашечки чаю, сэр? – предложил Леон, уводя разговор от неловкой темы.

Увидев, что охота закончилась, Ишмаэль отогнал повозку в тень и разводил костер.

– Это меньшее, что ты можешь сделать, чтобы загладить вину, – проворчал Пенрод. – Двухпенсовик! Надо же! И куда только катится нынешняя молодежь?

Спешились. Чайник уже кипел.

– Три ложечки сахара, Ишмаэль, и парочку твоих имбирных пирожков, – распорядился полковник, опускаясь на складной стул.

– Простите, эфенди, но вашей достопочтенной супруге это не понравится.

– Моя почтенная супруга в Каире, так что с нами ее не будет, – напомнил Пенрод, протягивая руку к тарелке с пирожками, которую уже поставил на складной стол проворный слуга.

Откусив, он с удовольствием прожевал, отхлебнул чаю и пригладил усы. – И чем ты собираешься заниматься, если уйдешь в отставку и не поедешь в Индию?

– Останусь в Африке. – Леон поднес к губам чашку, сделал глоток и, помолчав, задумчиво добавил: – Может быть, попробую заняться охотой на слонов.

– Охотой на слонов? – недоверчиво, словно ослышался, повторил Пенрод. – Хочешь стать профессионалом? Как Селус и Белл когда-то?

– Да. Меня это всегда занимало, с тех пор как прочитал книжки об их приключениях.

– Романтическая чушь! Ты опоздал. Лет на тридцать. Те парни имели в своем распоряжении всю Африку. Шли куда хотели, делали что хотели. Сейчас другие времена. Все изменилось. Везде проложены дороги. И ни одна страна не выдает лицензий, по которым ты мог бы убивать этих великанов тысячами. С вольницей покончено, и, по-моему, оно только к лучшему. Да и вообще, жизнь охотника трудна, опасна и одинока. Год за годом одно и то же – скитания по дебрям, в одиночестве, даже поговорить на своем языке не с кем. Выбрось эту ерунду из головы. Нечего и думать.

Леон молча смотрел в кружку. Пенрод достал еще одну сигарету. Закурил.

– В общем, не знаю, что и делать, – уныло вздохнув, признался он.

– Выше голову, мой мальчик. – Полковник сменил тон на доброжелательный. – Хочешь быть охотником? Что ж, есть парни, которым удастся неплохо на этом зарабатывать. Нанимаются проводниками к богачам, что приезжают в Африку на сафари. Миллионеры, аристократы, даже члены королевских семей. Эти люди готовы платить огромные деньги за возможность уложить пару слонов. Африканская охота на большую дичь сейчас в моде как в Европе, так и в Америке.

– Белые охотники? Как Тарлтон и Каннингем? – Леон с надеждой посмотрел на дядю. – Вот это да! Вот это жизнь! – Он снова помрачнел. – Но ведь с пустого места не начнешь, верно? Нужны деньги, а у меня их нет. Обращаться за помощью к отцу я не хочу – поднимет на смех. И потом... у меня нет связей, я никого не знаю. Для всех этих принцев, графов и магнатов я – никто. Они приезжают издалека, из Европы – с какой стати им обращаться ко мне?

– Я, пожалуй, сведу тебя с одним человеком. Он мог бы помочь.

– Когда? Когда мы с ним встретимся?

– Завтра. У него лагерь неподалеку от Найроби.

– Завтра не могу. Майор Снелл приказал идти к озеру Туркана. Нужно найти подходящее для строительства форта место.

– Туркана! – фыркнул Пенрод. – И кто решил, что там нужен форт?

– Это Снелл так забавляется. Я вернусь, подам рапорт, а он, как всегда, вернет его мне со своими язвительными комментариями.

– Ладно, со Снеллом я поговорю. Попрошу отпустить тебя для выполнения особого задания.

– Спасибо, сэр. Огромное спасибо.

Главная улица Найроби начиналась сразу за барачными воротами. Было раннее утро, но жизнь уже кипела вовсю, словно в охваченном золотой лихорадкой городе, и широкую грунтовую дорогу заполнила шумная, бурлящая толпа. Сэр Чарльз, губернатор колонии, привлекал соотечественников щедрыми обещаниями огромных земельных участков в тысячи акров по номинальной цене, и переселенцы валили сюда сотнями. Тележки со скудным скарбом, повозки с женщинами и детьми заполняли улицу. Всех вело одно желание: получить кусок земли на неосвоенной, дикой территории. За ними потянулись купцы и торговцы – индийцы, уроженцы Гоа, евреи. Слепленные из сырцового кирпича и растянувшиеся по обе стороны дороги убогие лавки с расписанными от руки вывесками предлагали все, от шампанского и динамита до лопат, кирок и патронов.

Пробившись через запруду из запряженных волами фургонов и навьюченных мешками мулов, Пенрод и Леон остановились перед отелем «Норфолк», чтобы поздороваться с невысоким мужчиной, голову которого покрывал тропический шлем, придававший своему владельцу сходство с эльфом. Мужчина восседал на задней скамейке легкого экипажа, запряженного парой бурчелловых зебр.

– Доброе утро, милорд, – приветствовал его Пенрод.

Незнакомец поправил державшиеся на кончике носа очки в стальной оправе и рассеянно кивнул:

– А, полковник. Рад вас видеть. Куда направляетесь?

– Собираемся навестить Перси Филипса.

– Старину Перси? Да-да. – Он снова кивнул. – Мой давний друг. Знаете, я охотился с ним в свой первый год здесь. Шесть месяцев провели вместе. Доходили до северной границы и даже в Судан наведывались. Он навел меня на двух огромных слонов. Милый человек. Всеми, что я знаю об охоте, научил меня он.

– А знаете вы немало. О ваших подвигах ходят легенды.

– Спасибо за доброе слово, хотя в вашем комплименте и присутствует некоторое преувеличение. – Он повернулся и внимательно посмотрел на Леона. – А кто этот юный джентльмен?

– Позвольте представить, мой племянник, лейтенант Леон Кортни. Леон, это лорд Деламер.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, милорд.

– А я вас знаю. – Глаза его светлости блеснули. – Слышал...

Лорд Деламер явно не относился к числу лицемерных моралистов, составлявших большинство местного общества. Опасаясь, что речь вот-вот зайдет о Верити О'Хирн, Леон поспешил перевести разговор на безопасную тему.

– Какая любопытная у вас упряжка, милорд, – быстро вставил он.

– Поймал и приручил самолично, – с гордостью сказал Деламер и, бросив на молодого лейтенанта еще один пронизательный взгляд, отвернулся.

Теперь понятно, почему Верити увлеклась им, подумал он. Как понятно и то, отчего переполошились эти старые кумушки. Взбесились от зависти. Да о таком молодчике любая женщина может только мечтать.

Он козырнул, дотронувшись кнутовищем до козырька шлема.

– Что ж, полковник, желаю всего наилучшего. Передавайте привет старине Перси.

С этими словами его светлость щелкнул хлыстом и покатыл дальше.

– Когда-то лорд Деламер был отличным охотником, шикари. Теперь он рьяный защитник животных. На западной стороне долины у него поместье в сотню тысяч акров. Настоящий заповедник. Потратил немалые средства, даже заложил родовое имение в Англии. Самые лучшие охотники, они все такие. Сначала убивают, потом устают и начинают оберегать то, что осталось.

Оставив позади город, они ехали некоторое время вдоль холмов Нгонг, пока не заметили расположившийся в лесу лагерь. Палатки, хижины из травы, рондавели стояли под деревьями как придется, без какого-либо видимого порядка.

– Это и есть база Перси, Тандала-кемп. – (Словом «тандала» на языке суахили называли антилоп куду.) – Клиентов привозят сюда по железной дороге, а уже дальше отправляются поразному: кто пешком, кто верхом, кто на повозках.

Они спустились с холма и, прежде чем попасть в главный лагерь, миновали навесы, где обрабатывали и хранили до отправки по назначению охотничьи трофеи. На верхних ветках деревьев, точно куры на насесте, сидели стервятники и африканские марабу. В воздухе стоял тяжелый запах от сохнувших на солнце шкур и голов.

Дядя с племянником придержали лошадей, наблюдая за двумя стариками-ндоробо, обработавшими топорами свежую слоновью голову. Один, вырубив бивень, попытался вытащить его и не смог. Второй поспешил на помощь. Вдвоем они сумели доставить громадный клык к коромысловым весам, но не рассчитали сил – костлявые ноги дрожали под тяжестью трофея. Леон, спешившись, подошел к старикам, взял у них бивень и, не особенно напрягаясь, просунул в подвешенную к крюку весов петлю. Стрелка прыгнула к середине шкалы.

– Спасибо за помощь, молодой человек.

Леон обернулся. За спиной у него стоял высокий мужчина с чертами римского патриция, с короткой, аккуратно подстриженной седой бородкой и ясными голубыми глазами. Сомнений в том, кто это, быть не могло.

Леону не раз доводилось слышать, что Перси Филиппа называли на суахили бвана Самавати – «человек с глазами цвета неба».

То, что он не ошибся, подтвердил и Пенрод. Подъехав ближе, полковник спешился:

– Привет, Перси.

– Пенрод, отлично выглядишь.

Мужчины обменялись рукопожатием.

– Ты тоже. Нисколько не постарел с нашей последней встречи.

– Тебе, должно быть, что-то нужно. Твой племянник? – спросил Перси и, не дожидаясь ответа, повернулся к Леону. – Что думаете об этом бивне, молодой человек?

– Великолепен, сэр. Ничего подобного я еще не видел.

– Сто двадцать два фунта, – взглянув на весы, сказал охотник и улыбнулся. – Лучший бивень за несколько последних лет. Сейчас такой найти трудно. – Он удовлетворенно кивнул. – Слишком хорош для того жалкого даго, что подстрелил красавца. Какой наглец! Сетовал, что мало получил за свои пять сотен фунтов. В конце сафари даже отказался платить. Пришлось поговорить по-мужски. – Перси осторожно подул на сбитые костяшки пальцев и опять обратился к Пенроду: – Я попросил нашего повара приготовить пирожки с имбирем. Твои любимые, насколько помню.

Взяв полковника под руку, он повел его, слегка прихрамывая, к палатке в центре лагеря.

– А что у вас с ногой? – поинтересовался Леон.

Перси рассмеялся:

– Старый буйвол наступил. Случилось это тридцать лет назад, когда я был еще молод и неопытен. Хороший урок он мне преподавал – на всю жизнь запомнил.

Устроились на складных стульях в палатке, Перси и Пенрод принялись обмениваться новостями об общих знакомых и обсуждать последние события в колонии. Леон с любопытством оглядывал лагерь. Несмотря на внешнюю беспорядочность, устроено здесь все было продуманно и удобно. Бросалось в глаза отсутствие мусора. Домики содержались в хорошем состоянии. На границе лагеря, на склоне холма, стояло небольшое бунгало с крытой тростником крышей и побеленными стенами – там, наверное, жил сам Перси. Порядок чувствовался во всем, за одним-единственным исключением, которое и привлекло внимание Леона.

Возле коттеджа стоял «воксхолл» той же самой модели, что и «старичок», купленный когда-то Леоном и Бобби. Только вот выглядел он ужасно: одно переднее колесо отсутствовало, треснувшее ветровое стекло покрывал слой грязи, крышку капота подпирало полено, а изъятый двигатель покоился на подбории верстака в тени раскидистого дерева. Кто-то, похоже, начал его разбирать, потом, вероятно, охладил к работе и оставил все как есть. Какие-то детали валялись на земле, другие лежали кучкой на водительском сиденье. Шасси превратилось в насест для куриного выводка, и под бледными пятнами помета с трудом угадывался его первоначальный цвет.

– Твой дядя говорит, ты хочешь стать охотником? Так?

Поняв, что обращаются к нему, Леон обернулся:

– Так точно, сэр.

Перси погладил седую бородку и задумчиво посмотрел на молодого лейтенанта. Леон глаз не отвел, что понравилось старому охотнику.

– Ты когда-нибудь слона убивал?

– Нет, сэр.

– Льва?

– Нет, сэр.

– Носорога? Буйвола? Леопарда?

– Боюсь, что нет, сэр.

– Тогда кого же?

– Только антилоп, сэр. Но я могу научиться. За тем и пришел к вам.

– Что ж, по крайней мере честно. Если ты никогда не охотился на крупную дичь, то что же все-таки умеешь? Назови хотя бы одну причину, почему я должен предложить тебе работу?

– Сэр, я умею ездить верхом.

– Ты имеешь в виду лошадей или женщин?

Леон густо покраснел и открыл было рот, чтобы ответить, однако, подумав, так ничего и не сказал.

– Да, молодой человек, слухами земля полнится. А теперь вот что я тебе скажу. Многие мои клиенты привозят на сафари семьи. Жен, дочерей. Откуда мне знать, что ты не попытаться приударить за ними при первой возможности?

– Что бы вы ни слышали обо мне, сэр, это неправда, – запротестовал Леон. – Я не из таких.

– Здесь ширинку будешь держать на замке, – предупредил Перси. – Кроме как в седле держаться, что еще умеешь?

– Могу починить вот это.

Леон указал на разобранный «воксхолл».

Старик сразу оживился.

– У меня такая же модель, – продолжал Леон. – Когда я ее купил, была примерно в таком же состоянии. Пришлось повозиться, зато сейчас работает как швейцарские часы.

– Точно? Для меня эти чертовы моторы – полнейшая загадка. Ладно. Итак, ты ездешь верхом и чинишь автомобили. Для начала кое-что. Стрелять умеешь?

– Так точно, сэр.

– В начале года выиграл полковые соревнования на Кубок губернатора, – подтвердил Пенрод. – Стрелять он умеет, за это я поручусь.

– Бумажные мишени – это тебе не звери. Не прыгнут и не укусят, если промахнешься, – возразил Перси. – Хочешь быть охотником, обзаведись ружьем. Я не про служебный «энфилд» говорю: эта пукалка – слабый аргумент против разъяренного буйвола. У тебя есть настоящее оружие?

– Так точно, сэр.

– Какое же?

– «Холланд энд Холланд».

В глазах старика мелькнуло удивление.

– Хорошая вещь, – согласился он. – Настоящая. Лучше, пожалуй, и не бывает. Еще тебе понадобится следопыт. Сможешь найти хорошего?

– Смогу, сэр. – Леон подумал о Маниоро, потом вспомнил Лойкота. – Вообще-то, даже двух.

Перси задумчиво посмотрел на порхающую в ветвях над палаткой маленькую золотисто-зеленую птичку, нектарницу. Потом, вероятно, решив что-то для себя, кивнул:

– Ладно. Считай, тебе повезло. Мне как раз требуется помощь. В следующем году поведу большое сафари. Клиент – человек очень важный.

– Уж не Теодор ли Рузвельт, президент Северо-Американских Соединенных Штатов? – с невинным видом спросил полковник.

Перси вздрогнул от неожиданности:

– Ради всего святого, Пенрод, ты-то как проведаль? Этого никто не должен был знать!

– Государственный департамент Штатов направил телеграмму главнокомандующему британской армии, лорду Китченеру. Хотели разузнать побольше, прежде чем доверять тебе своего президента. Я был тогда в штабе Китченера в Южной Африке, так что он переслал телеграмму мне, – объяснил полковник.

Старый охотник рассмеялся:

– А ты тот еще хитрец, Баллантайн. Я-то думал, визит Тедди Рузвельта – это государственная тайна. Значит, ты дал обо мне хороший отзыв. И тогда получается, я вроде как в долгу перед тобой. – Он повернулся к Леону. – Ладно, вот что я с тобой сделаю, парень. Я тебя проверю. Докажи, чего стоишь. Перво-наперво приведи в порядок эту рухлядь. Сделай так, чтоб она бегала. – Он кивнул в сторону «воксхолла». – Раз уж похвастал, держи слово. Ты меня понял?

– Так точно, сэр.

– Потом, когда закончишь, возьми свою знаменитую «пушку» и двух своих следопытов и отправись за слоном. Я не могу нанять охотника, который никогда не охотился по настоящему. И в доказательство принесешь мне бивни.

– Есть, сэр, – ухмыльнулся Леон.

– Деньги на лицензию найдешь? За большого зверя надо заплатить десять фунтов.

– Нет, сэр.

– Ладно, я тебе одолжу. Но бивни достанутся мне.

– Сэр, одолжите мне десять фунтов и заберите один бивень. Второй я оставляю себе.

Перси усмехнулся – парень не промах, за себя постоять может. Такого в угол не загонишь. Новичок уже начал ему нравиться.

– Это справедливо.

– Если вы возьмете меня, сэр, то сколько будете платить?

– Платить? Я и так оказываю услугу твоему дяде. Это ты должен платить мне.

– Как насчет пяти шиллингов в день? – предложил Леон.

– А как насчет одного? – парировал Перси.

– Тогда двух?

– Многого хочешь.

Охотник печально покачал головой, но руку все же протянул.

Леон крепко ее пожал:

– Вы не пожалеете, сэр. Обещаю.

– Вы изменили мою жизнь. Я никогда не смогу отблагодарить вас за то, что вы сегодня для меня сделали.

Они возвращались в Найроби, и Леон летел на крыльях счастья.

– Об этом не беспокойся. Ты ведь не думаешь, что я делаю это только потому, что питаю к тебе нежные чувства?

– Я ошибался в вас, сэр.

– А отблаговаришь ты меня вот как. Во-первых, я не приму твоей отставки. Я переведу тебя в резерв и назначу в военную разведку, где ты будешь работать непосредственно под моим началом.

Вот так новость! Еще секунду назад Леон чувствовал себя свободным человеком, а теперь снова оказался в цепких объятиях армии.

– Сэр? – настороженно спросил он.

– Наступают тревожные времена. Опасные времена. За последние десять лет германский кайзер Вильгельм вдвое укрепил мощь своей регулярной армии. Он не государственный деятель и не дипломат – по натуре, по воспитанию он военный. И всю жизнь только тем и занимался, что готовился к войне. Все его советники – военные. Его амбиции связаны только с одним: безграничным расширением империи. У Германии обширные колонии в Африке, но Вильгельму этого мало. Говорю тебе, у нас будут с ним проблемы. Подумай сам, Германская Восточная Африка примыкает к нашим восточным границам. Дар-эс-Салам – их порт. Военные корабли могут появиться здесь в любое время. В Аруше уже размещен целый полк аскари под командованием германских офицеров. Его командир, фон Леттов-Форбек, – опытный, хитрый солдат. Десятидневный марш – и он в Найроби. Я докладывал об этом в военном министерстве в Лондоне, только тамошние чиновники не видят дальше своего носа и не желают тратить деньги на укрепление дальних и, с их точки зрения, маловажных рубежей империи.

Леон смущенно покачал головой:

– Честно говоря, сэр, для меня это немного неожиданно. Мне и в голову не приходило рассматривать ситуацию под таким углом. Здешние немцы всегда относились к нам дружелюбно. У них много общего с нашими поселенцами в Найроби. Те же трудности, те же проблемы.

– Да, среди них есть неплохие парни – мне, например, нравится фон Леттов-Форбек. Но приказы он получает из Берлина, от кайзера.

– А кайзер – внук королевы Виктории. Наш нынешний король приходится ему дядей. Кайзер – почетный адмирал королевского флота. Просто не верится, что мы когда-то станем с ним воевать. Этого не будет, – горячо добавил Леон.

– Поверь чутью бывалого солдата. – Пенрод улыбнулся как человек, знающий нечто такое, чего не знают другие. – В любом случае, что бы ни случилось, врасплох им меня не застать. И за нашим любезным южным соседом я буду присматривать в оба глаза.

– И при чем тут я?

– В данный момент наши границы с Германской Восточной Африкой открыты. Никакого ограничения на передвижение не существует. Масаи и другие племена пасут свои стада и к югу, и к северу от границы и, скорее всего, не догадываются о каких-то рубежах, проложенных нашими топографами. Я хочу, чтобы ты создал сеть информаторов, людей, которые регулярно бывают в Германской Восточной Африке. Работать будешь под прикрытием. О твоей истинной роли не должен знать даже Перси Филипс. Легенда у тебя вполне убедительная. У охотника всегда найдется повод побывать на той стороне границы. Докладывать будешь лично мне. Я хочу, чтобы ты стал моими глазами.

– Если возникнут вопросы, я всегда смогу объяснить, что мои люди – следопыты, что я использую их для наблюдения за движением стад, чтобы знать, где именно находится дичь в тот или иной момент, и доставить клиента непосредственно к месту, – развил тему Леон.

Похоже, все не так уж и плохо, думал он, и новая игра может получиться очень даже занятной.

Пенрод согласно кивнул:

– Думаю, для Перси и любого другого, кто проявит интерес, такого объяснения будет вполне достаточно. Главное – не проговорись, что выполняешь мое задание, потому что в противном случае об этом узнает весь клуб. Перси, знаешь ли, осмотрительностью не отличается. Особенно после пары стаканчиков.

Прошло еще несколько недель.

Каждое утро начиналось для Леона с того, что он залезал под «воксхолл» Перси и выползал оттуда с грязными по локоть руками. Как выяснилось довольно скоро, он серьезно недооценил масштаб задачи и размер ущерба, причиненный автомобилю предыдущими попытками ремонта. Запасных частей в Найроби было не достать, и Леону ничего не оставалось, как решиться на отчаянный шаг: распотрошить их с Бобби машину. Бобби держался стойко, отстаивая общую собственность до последнего, но в конце концов сдался и согласился уступить свою долю за пятнадцать гиней, выплатить которые предстояло равными долями, по гинее в месяц. Добившись своего, Леон сразу же снял переднее колесо, карбюратор и кое-что еще и отвез все в Тандала-кемп.

Наступил десятый день ремонта, когда, проснувшись утром, Леон обнаружил у входа в палатку сидящего на корточках сержанта Маниоро.

Форменные хаки и феску масаи сменил на охряно-красную шуку, у ног его лежало копье.

– Я пришел, – просто объяснил он.

– Вижу, что пришел. – Леон с трудом сдержал радость. – Почему ты не в казарме? Тебя расстреляют за дезертирство.

– Есть бумага.

Маниоро вытащил из-под шуки смятый листок. Разгладив документ, Леон быстро пробежал глазами по строчкам. В приказе говорилось, что сержант Маниоро с почетом уволен со службы в КАС по медицинским основаниям. Рана на ноге зажила, но хромота осталась, что освобождало его от воинской повинности.

– Почему ты пришел ко мне? – спросил Леон. – Почему не вернулся в свою маньюту?

– Я теперь служу тебе, – ответил масаи.

– Я не могу тебе платить.

– А я и не просил. Что мне нужно делать?

– Во-первых, нам нужно починить вот этот энчини. – Оба повернулись и с минуту смотрели на представлявший собой жалкое зрелище автомобиль. Маниоро уже помогал с первой машиной, а потому знал, что их ждет. – Потом придется убить слона, – добавил Леон.

– Убить легче, чем починить, – констатировал масаи.

И вот по прошествии трех недель Леон сел за руль, тогда как Маниоро с покорным видом человека, покорившего судьбе, встал впереди и вытянулся по стойке смирно. Ритуал этот повторялся последние три дня, и масаи уже потерял веру в конечный успех предприятия. В первый день к месту испытаний стеклась огромная аудитория, включая лагерного повара и двух стариков-шкуродеров. Прибыл и сам Перси Филипс. Дело все не шло, машина не заводилась, и публика постепенно потеряла интерес к происходящему и понемногу разбрелась. Остались только шкуродеры-скиннеры, которые, присев на корточки, внимательно следили за каждым жестом «мастеров».

– Зажигание! – начал привычное заклинание Леон, обращаясь к богам двигателя внутреннего сгорания.

– Сашихани! – старательно, сохраняя нужную интонацию, повторили старики.

Леон перевел рычаг зажигания на левой стороне рулевого колеса в верхнее положение.

– Открыть заслонку!

В этом месте для стариков всегда наступал трудный момент – их способность к звукоподражанию подвергалась настоящему испытанию.

– Отлыти салонку! – изрекли они.

– Ручной тормоз! – Леон потянул рычаг. – Обогащение смеси!

Он повернул ручку так, чтобы стрелка индикатора указывала строго вперед.

– Отставить!

Он выскочил из машины, оббежал ее спереди, открыл заслонку и торопливо вернулся на место.

– Маниоро, заводи! – Маниоро наклонился и дважды повернул заводную рукоятку. – Хватит! – предупредил Леон. – Отставить!

Он снова выпрыгнул из машины, снова обежал ее, закрыл заслонку и вернулся.

– Еще два раза!

Маниоро снова наклонился и повернул рукоятку.

– Запуск! – Леон передвинул селектор на приборной панели в положение «аккумулятор» и воздел очи к небу. – Маниоро, поддай-ка еще!

Масаи, поплевав на ладони, повернул рукоятку еще раз.

Взрыв, подобный пушечному, сотряс воздух. Из выхлопной трубы вылетел клуб сизого дыма. Заводная рукоятка злобно извернулась, сбив Маниоро с ног. Два старичка-скиннера, не ожидавшие ничего подобного, в страхе отпрянули, взвыли от ужаса и резво метнулись к кустам за лагерем. Из домика на склоне холма донеслось проклятие, вслед за чем на веранде появился и сам Перси – в пижамных штанах, с растрепанной бородой и заспанными глазами. Секунду или две он растерянно, ничего не соображая, таращился на Леона, который лучезарно улыбался ему из-за руля. Мотор погромохал, подергался, потом стрельнул еще раз и успокоился, перейдя на громкое, но равномерное тарыхтение.

Перси рассмеялся:

– Подожди, дай брюки надеть, а потом отвезешь меня в клуб. Угощаю. Можешь выпить пива сколько влезет. И завтра же отправляйся за слоном. Без него в лагерь не возвращайся.

Сдвинув на затылок шляпу и перекинув тяжелое ружье с одного плеча на другое, Леон остановился у знакомого, почти отвесно уходящего вверх массива горы Лонсоньо и посмотрел вверх. Крошечная одинокая фигурка на краю кручи почти растворялась на фоне неба.

– Она ждет нас! – удивленно воскликнул он. – Но как узнала, что мы идем?

– Лусима знает все, – напомнил Маниоро, делая шаг к тропинке.

На себе он нес фляги с водой, заплечный мешок, винтовку «ли-энфилд» и четыре патрона. Леон последовал за ним, а замыкал шествие Ишмаэль – в длинной белой канзе, полы которой шлепали по ногам, и с огромным узлом на голове. Перед выходом из Тандала-кемпа Леон взвесил узел – получилось шестьдесят два фунта. В узле лежало все: от горшков и сковородок до перца, соли и секретных специй, состав которых знал только сам Ишмаэль. С поезда сошли на боковой ветке в Наро-Мору и дальше двигались пешком. Леон каждый день подстреливал антилопу, нежное мясо шло на отбивные и стейки, так что питались они благодаря кулинарным способностям Ишмаэля, как принцы.

Лусима ждала их на вершине горы, в тени огромной цветущей гевеи. Высокая и статная, как королева, она выступила им навстречу:

– Я вижу вас, сыновья мои, и глаза мои переполняются радостью.

– Мама, мы пришли за твоим благословением для нашего оружия и руководством в охоте, – сказал Маниоро, опускаясь перед ней на колени.

На следующее утро вся деревня собралась в загоне вокруг старой смоковницы, дерева совета, чтобы присутствовать при ритуале благословения оружия. Леон и Маниоро расположились вместе со всеми, Ишмаэль же, отказавшись участвовать в языческом обряде, удалился за ближайшую хижину, где развел огонь и принялся греметь горшками. Оружие лежало на дубленой львиной шкуре. Тут же стояла посуда из выдолбленной тыквы, наполненная свежей коровьей кровью и молоком, и глиняные миски с солью, нюхательным табаком и стеклянными бусинками. Из своей хижины вышла наконец Лусима. Собравшиеся захлопали и запели:

Она – большая черная корова.

Она дает нам молоко из своих сосцов.

Она – всевидящий хранитель.

Она – мать племени.

По случаю ритуала Лусима предстала в полном церемониальном облачении. На лбу костяной орнамент с фигурками животных. Шuka щедро расшита блестящими бусинками и раковинами каури. Тяжелые нити ожерелий спускались на грудь. Смазанная маслом и натертая красной охрой кожа блестела на солнце. В руке кисть из хвоста жирафа. Шаманка торжественно обошла выложенное для благословения оружие и предложенные жертвоприношения.

– Да не уйдет добыча от воина, владеющего этим оружием, – нараспев произнесла она, посыпая ружья нюхательным табаком. – Да потечет обильно кровь из ран, нанесенных им. – Она обмакнула кисточку в смесь из молока и крови и побрызгала на оружие. Потом, подойдя к Леону, коснулась кисточкой его головы и плеч. – Дай ему силу и твердость преследовать добычу. Пусть глаза будут зоркими, дабы видеть дичь издалека. Да не сможет никакой зверь устоять перед его силой. Да падет от его бундуки самый большой слон.

Зрители, ритмично прихлопывая, подхватили:

Быть ему могущественнейшим из охотников!
Дай ему силу охотника.

Между тем Лусима, закончив с приговорами, пошла по кругу под ускоряющийся ритм хлопков, все быстрее и быстрее, извиваясь и вертясь, пока смешанный с охрой пот не побежал струйкой меж грудей. В какой-то момент она бросилась плашмя на львиную шкуру перед Леоном; глаза ее закатились, в уголках рта выступила пена. Все тело содрогалось в беспрестанных судорогах, ноги били воздух, зубы скрежетали, в горле хрипело и клокотало.

– Дух вошел в нее, – шепотом объяснил Маниоро. – Сейчас она будет говорить его голосом. Задавай вопрос.

– Лусима, избранница Великого Духа, сыновья твои отправляются на поиски вождя слоновьего племени. Где нам искать его? Укажи путь.

Голова Лусимы затряслась, мотаясь из стороны в сторону, дыхание еще больше сперло, но потом через сцепленные зубы, словно найдя щель в горле, пробился хриплый, неестественный голос:

– Ступайте за ветром и слушайте голос сладкоголосого певуна. Он укажет дорогу.

Лусима судорожно вздохнула и села. Глаза ее прояснились, будто с них спала пелена. Как-то странно, словно видя в первый раз, шаманка посмотрела на Леона.

– Это все? – спросил он.

– Больше у меня нет ничего, – ответила она.

– Я не понял. Кто такой этот сладкоголосый певун?

– Я передала тебе все послание. Если богам угодна ваша охота, вы все поймете в свое время.

С самого начала Лойкот тенью ходил за Леоном, но при этом держался на почтительном расстоянии. Вот и теперь, стоило Леону сесть у костра вместе с дюжиной старейшин, как мальчишка бесшумно появился за спиной. Участия в разговоре он не принимал, однако слушал внимательно, ловя каждое слово.

– Я хочу знать обо всех передвижениях людей и животных как по долине, так и по землям, лежащим за Килиманджаро и Меру. И еще я хочу, чтобы все сведения о таких передвижениях доставлялись мне как можно быстрее.

Выслушав пожелание, старейшины оживленно обсудили его между собой. Похоже, у каждого имелось на этот счет собственное мнение. Следить за ходом дискуссии Леон не успевал, знание языка позволяло лишь улавливать отдельные аргументы и возражения.

Сидевший рядом Маниоро шепотом переводил.

– На землях масаи много людей. Ты хочешь знать о каждом? – спрашивали старики.

– О ваших людях мне знать ничего не надо. Меня интересуют только чужаки, белые, особенно була матари. – «Була матари» масаи называли немцев. В буквальном переводе это означало «ломающие камень» – первые немцы были геологами, которые постоянно носили с собой молотки и брали повсюду образцы горных пород. – Я хочу знать о передвижениях була матари и их солдат-аскари. Хочу знать, где они строят стены или копают ямы, куда ставят свои большие пушки, бундуки мкуба.

Разговор затянулся допоздна, тем не менее к единой точке зрения участники совета так и не пришли. В конце концов один из них, беззубый старик, единолично взявший на себя обязанности выразителя общего мнения, произнес судьбоносные слова:

– Мы подумаем об этом.

Все поднялись и потянулись к своим хижинам. Леон и Маниоро остались одни. И тут из гущи кустов у них за спиной донесся тихий голосок:

– Ничего они не решат. Будут думать и говорить, а потом снова думать и снова говорить. И ничего вы от них не услышите, кроме звука их голосов. Уж лучше слушать ветер в верхушках деревьев.

– Ты выказываешь неуважение к старейшинам, Лойкот. Это плохо, – укоризненно сказал Маниоро.

– Я – моран и уважение выказываю тем, кого сам выбираю.

Леон понял и рассмеялся:

– Вылезай-ка из темноты, мой славный воин, и покажи нам свое честное лицо.

Паренек ступил в круг огня и уселся между мужчинами.

– Лойкот, когда мы шли с тобой к железной дороге, ты показывал мне следы большого слона.

– Помню.

– А потом ты его следы видел?

– Я видел его в полную луну, когда он ходил в лесу около нашего лагеря.

– Где это?

– Мы пасли скот возле курящейся горы богов. Это в трех дня пути отсюда.

– С тех пор здесь прошли сильные дожди, – сказал Маниоро. – Тропинки будут размыты. К тому же после полной луны прошло много дней. Слон мог уйти далеко на юг, даже до озера Маньяра.

– Если не начать охоту с того места, где слона видел Лойкот, то откуда? – спросил Леон.

– Сделаем так, как советует Лусима. Последуем за ветром.

Когда они на следующее утро спустились с горы, ветерок, теплый и тихий, дул с запада. Высоко в небе проплывали облака, похожие на огромные галеоны под белыми парусами. Достигнув дна долины, отряд повернул по ветру. Открытые пространства преодолевали легкой трусцой, в лесу шаг сбавляли. Маниоро и Лойкот шли впереди, разбираясь в тысячах покрывавших землю следов, порой останавливаясь, указывая Леону на те, что требовали особого внимания. Ишмаэль со своим огромным узлом постепенно отставал и через какое-то время пропал из виду.

Дувший в спину ветер уносил их запах вперед, и пощипывавшие травку животные, уловив приближение человека, поднимали головы и настороженно смотрели на охотников. Потом стадо раздвигалось, пропуская людей и наблюдая за ними с безопасного расстояния.

Трижды за утро им попадался след слона. Там, где прошли великаны, остались поломанные и ободранные добела, сочащиеся соком ветки. Над кучами свежего помета вились тучи насекомых. У следопытов эти знаки интереса не вызвали.

– Молодые, – заметил Маниоро. – Не в счет.

Немного дальше Лойкот нашел другой след.

– Очень старая слониха, – рассудил он. – У нее от старости подошвы стерлись.

Часом позже Маниоро указал на еще несколько свежих отметин:

– Здесь прошли пять самок. У трех слонята.

Солнце приближалось к зениту, когда шедший впереди Лойкот внезапно остановился и вытянул руку, указывая на громадную серую тень в колючем редколесье. Тень шевельнулась, как будто какая-то крупная птица лениво взмахнула огромными крыльями. Охотники быстро свернули и с замиранием сердца двинулись в обход, пока ветер не донес до великана запах человека. Судя по размерам, в чаще был взрослый самец. Животное спокойно обрывало молодые, сочные ветки, но стояло к ним задом, так что бивней видно не было. Ветер не менялся, и им удалось подобраться достаточно близко: Леон уже различал жесткие волоски на потертом хвосте и колонии красных клещей, свисавших похожими на виноградные гроздьями с морщинистого ануса. Маниоро подал знак – приготовиться. Леон снял с плеча и, держа палец на предохранителе, взял на изготовку тяжелую двустволку. Оставалось только дожидаться, пока слон повернется, чтобы рассмотреть клыки.

Настолько близко к слону Леон еще не подходил и теперь был ошеломлен размерами животного. Перед ним как будто выросла скала из серого камня, заслонившая собой полнеба. Слон вдруг повернулся, раскинул уши и в упор посмотрел на Леона с расстояния в дюжину шагов. Густые ресницы обрамляли маленькие слезящиеся глаза, под которыми пролегли темные каналы. В темных зрачках переливался отраженный свет, и они казались двумя крупными бусинками из полированного янтаря. Леон медленно поднял ружье, но выстрелить не успел – Маниоро сжал его плечо цепкими пальцами.

Один бивень у слона был сломан у самой губы, другой сколот и стерт до тупого обрубка. Перси Филипс поднимет его на смех, принеси он эти трофеи в Тандала-кемп. Однако ж великан, похоже, готовился атаковать, и в этом случае ему волей-неволей пришлось бы стрелять. В последние недели Перси чуть ли не каждый вечер садился рядом с ним и при свете лампы читал лекцию о том, как свалить слона одной пулей. Пособием в этих занятиях служила написанная старым охотником книга «Муссон над Африкой». Именно этому вопросу была посвящена в ней целая глава, дополненная его собственными набросками с натуры африканских животных.

«Из всех животных особенно трудно справиться со слоном. Важно помнить, что мозг – мишень сравнительно маленькая. Вы должны точно знать, как обнаружить ее под любым углом. Поднимает слон голову, наклоняет ее или поворачивает, точка наводки в любом случае меняется. Меняется она и в зависимости от того, стоит ли он прямо перед вами или развернут боком. Ваш взгляд должен проникать сквозь толщу серой шкуры и видеть спрятанные в глубине массивной головы и туловища жизненно важные органы».

Теперь Леон с отчаянием понял, что перед ним не иллюстрация из книги, а живое, во плоти, существо, способное смять его, раздавить, переломать все кости одним-единственным ударом хобота, и что для этого ему нужно сделать всего лишь два широких шага. Он понял, что, если слон ринется вперед, ему придется стрелять. Причем стрелять с расчетом на поражение. В голове зазвучал эхом голос Перси: «Если он идет прямо на тебя, целься между глаз, в верхнюю складку на хоботе. Если поднимает голову или находится совсем близко, бери еще ниже. Частая ошибка всех новичков, за которую многие расплачиваются жизнью, состоит в том, что они стреляют слишком высоко и пуля проходит над мозгом».

Леон не отрывал глаз от основания хобота. В толстой серой коже между янтарными глазками залегли глубокие поперечные бороздки. Но представить то, что находится за ними, не получалось. Не слишком ли близко слон? Может быть, стрелять нужно не в первую складку, а во вторую или даже третью? Он не знал.

Внезапно слон тряхнул головой, причем с такой силой, что уши захлопали по плечам, подняв облако пыли с облепленного засохшей грязью тела. Леон бросил ружье к плечу, но животное неловко развернулось и, шаркая ногами, устремилось в чашу.

Ноги стали вдруг как ватные, сжимающие ружье руки задрожали. Открывшаяся истина была проста и непреложна: он не готов к схватке. Только теперь Леон понял, почему Перси дал ему такое смертельно опасное поручение. Не ради проверки каких-то умений и приемов, освоить которые можно, прочитав книжку или пройдя инструктаж. Нет, здесь испытание проходили характер и дух, и проигравшего ждала смерть. Подошедший сзади Маниоро молча протянул фляжку, и Леон поймал себя на том, что готов осушить ее целиком, – горло пересохло, язык распух от жажды. Он сделал три глубоких глотка и только тогда заметил, что масаи пристально наблюдают за ним. Леон опустил фляжку и постарался улыбнуться. Получилось не очень убедительно.

– В первый раз пугаются даже храбрейшие, – сказал Маниоро. – Но ты не побежал.

Привал устроили в полдень, расположившись в тени высокого, изрядно ошипанного жирафами дерева. Стали ждать Ишмаэля, который отстал почти на полмили и брел через саванну в одиночестве – фигурка с узлом на голове подрагивала в плывущем от зноя воздухе. Лойкот опустился перед Леоном на корточки и насупился, всем своим видом показывая, что намерен, как и подобает настоящим мужчинам, поговорить о чем-то важном.

– М'бого, то, что я скажу, есть истинная правда, – начал он.

– Я тебя слушаю, Лойкот. Говори, и твои слова дойдут до меня, – заверил паренька Леон, придавая лицу серьезное выражение.

– Говорить со стариками, как ты говорил два дня назад, толку нет. Мозги у них что каша из маниоки. Им бы только пиво пить. Они забыли, как выслеживать зверя. Они не слышат ничего, кроме бабьей болтовни, не видят дальше стен своей маньяты и умеют только пересчитывать скот да набивать брюхо.

– Старики все такие, – сказал Леон, понимая, что и сам в глазах мальчишки, скорее всего, уже стоит на грани старческого слабоумия.

– Хочешь знать, что происходит в мире, – спроси нас.

– Кого это «нас»?

– Нас, хранителей стад, чунгаджи. Пока старики греются на солнышке, пьют пиво да болтают про свои великие дела, о которых никто уже не помнит, мы, чунгаджи, перегоняем скот с места на место и сами идем за ним. Мы все видим, все слышим.

– Скажи мне, Лойкот, как ты узнаешь, что видят и слышат другие чунгаджи, те, которые находятся на расстоянии нескольких дней пути?

– Они мои братья. Многие из нас в один год прошли инициацию.

– Можно ли узнать, что видели вчера чунгаджи, находящиеся со скотом где-нибудь на равнинах за Килиманджаро? Это дней десять пути.

– Можно, – уверенно ответил Лойкот. – Мы ведь разговариваем друг с другом.

Верилось в такое с трудом.

– Сегодня на закате я буду говорить с моими братьями, и ты сам можешь послушать, – предложил Лойкот.

Ответить Леон не успел – с равнины прилетел пронзительный вопль смертельно испуганного человека. Мужчины схватили оружие, вскочили и обернулись в направлении крика. Через саванну по направлению к ним мчался, придерживая обеими руками узел на голове, Ишмаэль. За ним на длинных розовых ногах неся здоровенный страус. Птица явно выигрывала в скорости и быстро нагоняла жертву. Леон уже видел распушенный плюмаж. Страус был цвета черного оникса с белыми перьями на хвосте и кончиках крыльев, трепещущими в пра-

ведном гневе. Чужак в белом посмел вторгнуться на запретную территорию, и теперь его ждало суровое наказание.

Леон и оба масаи поспешили на помощь. На бегу они кричали и размахивали руками, пытаясь отвлечь разъяренную птицу, но ее интересовал только Ишмаэль. Догнав жертву, страус вытянул длинную шею и с такой силой ударил клювом по узлу, что незадачливый слуга не удержался на ногах и упал, подняв облако пыли. От удара о землю узел раскрылся, и содержимое, горшочки и мисочки, раскатилось вокруг. Страус, подскочив ближе, принялся пинать и рвать Ишмаэля когтями, а потом, словно этого было мало, опустил голову и начал клевать несчастного в руки и ноги. Бедолага взвыл от боли, из свежих ран выступила кровь.

Проворный как заяц, Лойкот легко обогнал мужчин и, сблизившись с птицей, издал воинственный клич, словно приглашая противника на поединок. Страус соскочил с расprostертого тела и угрожающе двинулся навстречу новому противнику. Раскинув короткие, будто подрезанные крылья, он высоко вскидывал ноги, задира и опускал голову и еще издавал при этом злобные каркающие звуки.

Лойкот взялся за края накидки, задрал ее повыше, разведя в стороны, как крылья, и, в точности подражая движениям и крикам страуса, двинулся по кругу. Смысл маневра заключался, вероятно, в том, чтобы спровоцировать птицу на атакующие действия. Некоторое время противники просто ходили по кругу, однако долго так продолжаться не могло. Страусу бросили вызов на его территории, и в конце концов ярость и чувство оскорбленного достоинства взяли верх над инстинктом самосохранения. Вытянув шею и целя клювом в лицо врагу, страус устремился в наступление. Именно на это Лойкот, похоже, и рассчитывал. Наблюдая за парнишкой, Леон понял, что тот, скорее всего, уже оказывался в похожей ситуации и прекрасно знает, как себя вести и что делать. Смело шагнув навстречу атакующей птице, пастушок изловчился, подпрыгнул и, обхватив ее обеими руками за шею, поджал ноги. Центр тяжести у страуса сместился, и он потерял равновесие. Поднять голову не удавалось. Секунду-другую страус кружил, хлопая отчаянно крыльями и стараясь удержаться. Леон вскинул ружье и шагнул ближе, чтобы хорошенько прицелиться.

– Нет! Эфенди, нет! Не стреляйте! – закричал Ишмаэль. – Оставьте это отродье шайтана мне! – Ползая на четвереньках по земле, он искал что-то среди разбросанных кухонных принадлежностей, а когда поднялся, в его руке Леон увидел сияющий нож с загнутым лезвием. – Задери ему голову! – крикнул слуга Лойкоту, и когда мальчишка так и сделал, полоснул по горлу, одним мастерским ударом разрезав его до позвоночника.

– Теперь отпусти! – приказал Ишмаэль, и Лойкот отпустил птицу и отскочил в сторону, чтобы избежать ее когтей.

Освободившись, страус бросился было прочь, но тут из перерезанных артерий ударила вверх струя крови. Птица потеряла ориентацию, пошатнулась и пошла кругом на слабеющих розоватых ногах. Голова клонилась все ниже, как увядающий цветок на надломленном стебле. Сделав пару кругов, птица упала, попыталась подняться, потом затихла, и только вытекающая толчками ярко-красная артериальная кровь свидетельствовала о том, что ее сердце еще бьется.

– Аллах велик! – торжественно произнес Ишмаэль, пиная еще живое тело. – Нет Бога, кроме Аллаха! – Наклонившись, он аккуратно вскрыл птице брюхо и вырезал печень. – Это животное пало от моего ножа. Именем Аллаха благословляю его смерть. Я пустил ему кровь, и я объявляю это мясо халяльным. – Он поднял печень на ладони. – Посмотрите! Это самое лучшее мясо в мире. Печень страуса, взятая из еще живого тела.

Кебабы из страусовой печени и жира поджарили на углях акации и съели с превеликим аппетитом. Набив животы, путники часок вздремнули в тени. Когда проснулись, спавший в полдень ветерок, снова ожил и разбежался над всей широкой равниной. Повесив на плечи оружие и мешки, путники зашагали за ветром и остановились, только когда солнце уже повисло над горизонтом на расстоянии ладони.

– Нам надо подняться туда, – сказал Лойкот, указывая на возвышение из вулканической породы, подсвеченное багровым сиянием закатного солнца. Вскарабкавшись на вершину, он повернулся к долине. Впереди, резко выделяясь на фоне синего южного неба, возвышались три напоминающие бастионы скалы. – Лулмассин, гора богов. – Дождавшись Леона, парнишка указал на западный пик, потом, прочертив рукой дугу к востоку, добавил: – Меру и Килиманджаро, обитель облаков. Эти горы на земле, которую була матари называют своей, но которая с начала времен принадлежала моему народу.

Обе горы находились на расстоянии сотни миль от границы, в самой глубине Германской Восточной Африки.

Завороженный величественным зрелищем, Леон некоторое время молча наблюдал за игрой солнечных бликов на закругленной вершине Килиманджаро, потом повернулся в сторону Лулмассина, из кратера которого поднимался длинный хвост дыма. Есть ли где-либо на земле, подумал он, пейзаж столь же величественный?

– А сейчас я буду говорить с моими братьями-чунгаджи. Слушай! – объявил Лойкот. Набрав в легкие воздух и приставив ладони ко рту, он издал долгий, пронзительный вопль. Не ожидавший ничего подобного, Леон вздрогнул и невольно закрыл уши руками – столь высоким и сильным был звук. Повторив зов еще дважды, Лойкот сел рядом с Леоном и завернулся в шуку. – Там, за рекой, есть маньята. Он указал на растянувшуюся вдоль берега темную линию деревьев.

Несколько миль, никак не меньше, решил Леон.

– Думаешь, тебя услышат на таком расстоянии.

– Подожди и увидишь. Ветер спал, и воздух сейчас неподвижен и прохладен. Когда я зову моих братьев этим особенным голосом, он разносится еще дальше.

Потянулись секунды ожидания. Далеко внизу через полоску колючего кустарника пробиралось небольшое стадо куду: три грациозные серые самки и впереди самец с отвисшим подгрудком и раскидистыми завитыми рогами. Двигаясь легко и бесшумно, как четыре эфемерных, бесплотных облачка, они исчезли в редколесье.

– Ты все еще рассчитываешь их услышать? – спросил Леон.

Гордый пастушок не стал спешить с ответом и еще секунду-другую жевал корешок тинги, которым масаи пользуются для отбеливания зубов. Потом сплюнул и широко, во весь рот улыбнулся:

– Они уже услышали меня, но им нужно время, чтобы подняться на какую-нибудь возвышенность.

Прошло еще несколько секунд. Внизу Ишмаэль развел небольшой костер и кипятил воду в черном от копоти чайнике. Леон наблюдал за ним жадными глазами – хотелось пить.

– Слушай!

Лойкот сбросил с плеч шуку и вскочил.

Леон поднял голову. Звук шел от реки и напоминал ослабевшее эхо того, первого клича Лойкота. Парнишка постоял, склонив голову и вслушиваясь в крик, потом снова сложил руки рупором и повторил свой пронзительный однотонный крик. На сей раз ответ пришел быстро, после чего обмен сигналами продолжился до темноты.

– Ну вот, поговорили, – сказал наконец Лойкот.

Они вместе спустились к подножию холма, где Ишмаэль уже приготовил ночную стоянку. Усевшись у костра, Леон получил большую эмалированную кружку чая. За ужином из страусовых стейков и жестких лепешек из желтой кукурузной муки Лойкот пересказал последние новости из долгого разговора с заречными чунгаджи.

– Две ночи назад лев напал на стадо. Убил черного быка с хорошими рогами. Сегодня утром мораны пошли за львом и окружили его. Когда он понял, что не вырвется, то выбрал жертвой Сингиди и кинулся на него. Сингиди убил льва одним лишь ударом копья, чем заслу-

жил великую славу. Теперь он может поставить копье у двери любой женщины. – Лойкот задумчиво помолчал, потом с грустью добавил: – Когда-нибудь и я сделаю то же самое, и тогда девочки больше не будут надо мной смеяться и называть ребенком.

– Дай бог, чтобы так оно и случилось, – пробормотал Леон по-английски и перешел на маа: – Что еще ты слышал? – Довольный оказанным вниманием, Лойкот несколько минут перечислял события последних дней: рождения и смерти, свадьбы, происшествия со скотом и тому подобное. – А ты спрашивал о белых людях? Где сейчас солдаты була матари и их аскари?

– Германский комиссар из Аруши с шестерыми аскари идет по долине в сторону Мондули. Других солдат в долине нет.

– А другие белые люди?

– Два охотника-немца с женами и фургонами стоят лагерем у холмов Мето. Они убили много буйволов и засушили много мяса.

До Мето было по меньшей мере восемьдесят миль, и Леон удивился, сколько информации, да еще с такой обширной территории, удалось получить за короткое время. В книжках старых охотников упоминалась способность масаи обмениваться информацией, однако раньше он не придавал этому значения. Судя по рассказу Лойкота, сеть чунгаджи накрывала всю землю масаи. Он улыбнулся в кружку: теперь у Пенрода были глаза вдоль всей границы.

– А как насчет слона? Ты не узнавал у своих братьев? Может быть, они видели где-то неподалеку крупного самца?

– Слонов много, но по большей части самки и детеныши. В это время года самцы обычно либо уходят в горы, либо их надо искать в кратерах Нгоронгоро и Эмпакаи. Это и так все знают.

– И что же, во всей долине нет ни одного самца?

– Чунгаджи заметили одного около Наманги, здоровенного, но то было несколько дней назад, и с тех пор его никто не видел. Они думают, он мог уйти в пустыню Ньири, где наших никого нет, потому что там нет корма для скота.

– Надо следовать за ветром, – напомнил Маниоро.

– Или тебе стоит научиться сладкоголосому пению, – пожал плечами Леон.

Леон проснулся раньше всех, еще до восхода, и, отойдя подальше, за большое поваленное дерево, присел справить нужду. Вокруг было тихо, ни ветерка – мир вокруг словно затаил дыхание. Над головой, проступая на фоне сереющего с приближением рассвета неба, висели на ветках тяжелые, неподвижные листья. Вернувшись в лагерь, Леон увидел, что Ишмаэль уже встал и повесил над огнем чайник, а оба масаи еще только ворочаются. Он подошел к костру, протянул руки к робким язычкам пламени – рассвет принес прохладу.

– Сегодня ветра нет, – сказал он Маниоро.

– Подождем, пока встанет солнце.

– А куда пойдем, если ветра не будет?

– Без ветра идти некуда, – покачал головой масаи. – Мы пришли сюда только потому, что следовали за ветром, как сказала моя мать. Придется ждать, пока он снова не укажет направление.

Леон отвернулся, чтобы не выдать раздражения. Не слишком ли долго он потворствовал старой мошеннице? Может быть, пора наконец покончить с этими фокусами и перестать делать вид, будто они верят всей этой звонкой чепухе? За глазами проснулась и напомнила о себе тупая боль. С вечера уснуть не давал холод, а потом, когда уснуть все же удалось, пришли кошмары с Хью Тервеем и его распятой на земле женой. Ишмаэль протянул чашку кофе, но и она не оказала привычного ободряющего эффекта. В чаше за лагерем запела, приветствуя новый день, малиновка, ей отозвалась другая, где-то вдалеке рыкнул сердито лев. И снова тишина.

Лишь допивая вторую чашку, Леон ощутил наконец просыпающуюся в теле бодрость. Он уже собрался было сказать что-то Маниоро, когда его внимание привлек громкий и какой-

то дребезжащий звук, наподобие того, что получается, если энергично потрясти заполненную камешками жестянку. Все с интересом подняли головы. Птичку звали медоуказчик, и сейчас она приглашала людей следовать за ней к улью диких пчел. Согласно поверью, человек, полакомившись медом, должен поделиться добычей и с приведшей его к улью птицей – оставить ей пчелиный воск и личинок. За века соседского существования обычай укоренился у людей и стал привычным для птиц. Говорили, что обманувшего птичку ждет жестокая расплата: в следующий раз медоуказчик приведет его либо к логову льва-людоеда, либо к гнездовью ядовитых змей. В общем, обманывать птаху стал бы разве что полный дурак или скупец.

Леон поднялся, и желтовато-коричневая пташка вспорхнула с верхней ветки и захлопала крылышками, производя уже знакомый звук. При этом она то ныряла в крону, то появлялась вновь.

– Мед!

Маниоро облизнулся, предвкушая удовольствие. Устоять перед соблазном не мог ни один африканец.

– Мед, сладкий мед! – закричал Лойкот.

Головной боли как не бывало. Леон схватил ружье:

– Пошли! Поторапливайтесь!

Медоуказчик, увидев, что люди зашевелились, слетел с дерева и возбужденно зачирикал, приглашая их следовать за собой.

Почти час они бежали за крылатым проводником. Леон ничего не говорил остальным, но его не оставляло чувство, что птаха и есть тот сладкоголосый певун, о котором говорила Лусима. Тем не менее сомнения перевешивали надежды, и он, не позволяя себе увлекаться, готовился к разочарованию. Маниоро, возможно, желая ободрить птичку, негромко запел, и скакавший рядом с Леоном Лойкот тут же присоединил к его голосу свой.

Веди нас к улью маленьких кусачей,
И мы угостим тебя золотистым медом.
Лети, дружок,
Лети быстрее, а мы побежим за тобой.

Крылатый проводник вел их через лес, порхая с дерева на дерево, чирикавая и пританцовывая от нетерпения на верхних ветках, дожидаясь и продолжая путь дальше. Незадолго до полудня добрались до высохшего русла реки. Деревья здесь были гуще и выше – их питали подземные воды. Пташка уже ждала людей на верхушке самого высокого дерева. Подойдя ближе, Маниоро остановился, всплеснул руками и, указывая вверх, радостно закричал:

– Вон оно!

Леон поднял голову – в лучах солнца мелькали быстрые золотистые пятнышки, пчелы возвращались домой, в улей. В нескольких ярдах от земли ствол раздваивался на тяжелые толстые ветви, развилку между которыми расщепила узкая глубокая трещина. Вытекавшая из расщелины тонкая струйка сока сгущалась и застывала на коре прозрачными капельками. Вот у этой расщелины и вились пчелы: одни с жужжанием прилетали, другие, выбираясь из улья, с таким же жужжанием улетали. Перед глазами возник почему-то сладострастный образ Верити О'Хирн. Сердце защемила острая грусть. Леон поймал себя на том, что вспомнил о ней впервые за несколько дней.

Остальные готовились к сбору меда. Маниоро срезал с соседнего дерева квадратный кусок коры, скрутил его в трубку и обвязал узкими полосками лыка. Потом вставил в трубку рукоятку, а рукоятку снабдил петлей из того же лыка. Ишмаэль развел небольшой костер и подбрасывал в огонь сухие веточки. Лойкот подобрал низ шуки – в результате чего нижняя

часть туловища осталась голой – и, подойдя к дереву, проверил текстуру коры и посмотрел вверх, мысленно готовя себя к нелегкому восхождению.

Костер разгорелся. Ишмаэль подбросил в огонь зеленых веток, подул на них, и в воздух поднялись клубы едкого белого дыма. Подцепив на широкое лезвие панги несколько угольев, Маниоро засыпал их в закрепленную на рукоятке трубку и передал инструмент Лойкоту. Паренек повесил его на плечо, сунул за пояс пангу, поплевал на ладони и ухмыльнулся Леону:

– Смотри, М'бого. Никто не умеет лазать так, как я.

– Я не удивлюсь, если узнаю, что ты брат павиана, – сказал Леон. Лойкот рассмеялся и прыгнул на дерево. Поднимался он с поразительной быстротой, словно присасываясь к стволу то ладонями, то босыми подошвами, и до развилки добрался без передышки. Достигнув цели, проворный пастушок выпрямился во весь рост, снял с плеча трубку из коры и, не обращая внимания на выющихся у головы пчел, поднес ее к губам и подул, как горнист. Из противоположного конца вылетел клуб дыма, и пчел словно ветром сдуло.

Прежде чем переходить к делу, Лойкот вытащил из рук и ног пчелиные жала. Потом вынул из-за пояса пангу, наклонился и, словно не замечая зияющей под ногами пустоты, вогнал тяжелое лезвие в расщелину под ногами. Белые щепки разлетелись в стороны, зазвенел клинок. Нанеся с десятков ударов, Лойкот остановился и принялся.

– Пахнет сладко! – прокричал он в ответ на вопрошающие взгляды обращенных кверху лиц и, сунув руку в улей, вытащил большой и толстый кусок пчелиных сот. – Смотрите! Благодаря ловкости и смелости Лойкота вы, друзья мои, наполните сегодня животы свои!

Все рассмеялись.

– Отличная работа, обезьянка! – крикнул Леон. – Молодец!

Лойкот вырезал еще пять пчелиных сот, до краев заполненных темно-коричневым медом и запечатанных воском, и аккуратно завернул их в шкуру.

– Не бери все! – предупредил Маниоро. – Оставь половину нашим крылатым друзьям, а не то они умрут.

Лойкот не ответил. Его учили этому с детства, а теперь он был мораном, познавшим мудрость дикого мира. Бросив на землю дымовую трубку и пангу, парнишка ловко соскользнул по стволу, спрыгнул с нижней ветки и легко выпрямился.

Все четверо сели в кружок и разделили соты. В ветвях защebetал, запрыгал, напоминая о своем присутствии, медоуказчик. Маниоро осторожно обломал края сот, наполненные белыми личинками, сложил кусочки на большой зеленый лист и взглянул на порхающую над головой птичку:

– Идем, меньший брат, ты заслужил награду.

Отойдя в сторону, масаи положил лист с угощением на небольшую полянку и возвратился к костру. Едва он отвернулся, как птичка слетела на землю и, нисколько не смущаясь присутствия людей, приступила к трапезе.

Теперь, когда традиции и обычаи были соблюдены, охотники смогли наконец насладиться добычей. Сидя вокруг лежащих горкой золотистых сот, они отламывали сочные куски и запихивали в рот, урча от удовольствия, высасывая мед, выплевывая воск и облизывая липкие пальцы.

Леон еще никогда не ел такого меда – темного, дымчатого, собранного из нектара цветков акации. Мед этот обволок язык и небо такой невероятной сладостью, что он едва не задохнулся от удовольствия, а глаза наполнились слезами. Леон зажмурился. Незнакомый, густой и пьянящий аромат ударил в голову. Сотни иголок вонзились в язык. Переведя наконец дыхание, он почувствовал, что вкус опустился глубже, в горло. Сглотнул и выдохнул, резко и с шумом, как будто хватил крепчайшего шотландского виски.

Хватило нескольких кусочков. Больше он просто не мог. Некоторое время Леон смотрел на остальных, потом поднялся и отошел, оставив спутников предаваться обжорству. Его ухода

никто и не заметил. Взяв ружье, он неспешно зашагал в направлении высохшего русла. Растительность становилась все гуще и гуще, так что в конце пришлось буквально продираться через кусты. Вырвавшись из цепких объятий последних веток, Леон оказался на берегу. Сезонные разливы превратили его в отвесную стену в шесть футов высотой, под которой лежало само русло – широкая, в добрую сотню шагов, полоса мелкого белого песка, истоптанная тысячами лап и копыт животных, пользующихся ею как своего рода автострадой.

На противоположном берегу стояла могучая одинокая смоковница с обнаженными и переплетенными, как клубок спаривающихся змей, корнями и тянущимися через высохшее русло ветвями, униженными пучками маленьких желтоватых фиг. Стайка жадно клевавших плоды зеленых голубей вспорхнула и унеслась, напуганная внезапным появлением человека. В тишине захлопали крылья. Птицы развернулись и стрелой умчались вдаль.

Под раскинувшимися ветвями смоковницы возвышались несколько песчаных холмиков. Внимание Леона привлекли разбросанные между ними пирамидки слоновьего помета. Держа ружье в руке, он спрыгнул с берега. Мелкий песок смягчил удар, зато ноги провалились в него по лодыжку. Дойдя до противоположного берега и присмотревшись, Леон понял, что слоны искали воду. Задними ногами они разгребали сухой песок, пока не доходили до более твердого, влажного слоя. Потом животное пускало в ход хобот, с помощью которого добиралось до грунтовых вод. Там, где слоны стояли на краю ям, остались четкие отпечатки их ног. Через хобот животное засасывало воду в губчатые полости, находящиеся в огромных черепахах, а когда те заполнялись, всовывало кончик хобота в горло и впрыскивало воду себе в живот.

Всего ям было шесть. Леон обошел все по очереди, рассматривая оставленные изможденными великанами следы. Получив уроки у трех гроссмейстеров своего дела – Перси Филипса, Маниоро и Лойкота, – он сумел прочесть отпечатки. Форма и размер следов у первых четырех ям говорили о том, что они принадлежат самкам.

У пятой отпечатки были другие. Они были настолько большие, что, едва увидев их, Леон остановился на полушаге, охнул и, переведя торопливо дыхание, поспешил к яме. Следы были оставлены передними ногами. Судя по глубине отпечатков, животное стояло у ямы несколько часов, высасывая воду из-под земли.

Леон смотрел на них и не верил собственным глазам. Какие громадные! Похоже, самец был уже немолод – подошвы изрядно стерлись. Один из отпечатков при ближайшем рассмотрении растекся струйками мягкого песка, – значит, слон был здесь недавно, в противном случае это произошло бы раньше. Не исключено, что животных спугнули крики Лойкота, когда он добрался до улья.

Леон опустился на колени, положил ствол на сохранившийся отпечаток и негромко присвистнул от удивления. Длина стволов равнялась двум футам, диаметр следа недотягивал лишь нескольких дюймов. С помощью несложной формулы, которую вбил ему в голову Перси Филипс, Леон рассчитал, что высота слона должна равняться примерно двенадцати футам. Настоящий великан среди великанов.

Быстро вскочив, он спрыгнул в русло, добежал до противоположного берега, вскарабкался на него, продрался через колючие кусты и оказался наконец на полянке, где три его спутника доедали мед.

– Лусима Мама и ее сладкоголосый певун действительно показали нам путь, – сообщил он. – Я только что нашел след огромного самца.

Не дожидаясь подробностей, следопыты вскочили с земли, схватили оружие и побежали за ним. И только Ишмаэль не стал торопиться, а собрал сначала остатки сот, сложил их в горшок, убрал горшок в узел и лишь затем последовал за всеми.

– М'бого, это тот самый слон, которого я показывал тебе, когда мы в первый раз шли вместе, – заявил Лойкот, едва увидев след. От волнения он едва не пустился в пляс. – Я его узнал. Это точно он, слоновый вождь.

Маниоро с сомнением покачал головой:

– Этот слон слишком стар и вот-вот умрет. Думаю, бивни у него не самые хорошие.

– Нет! Нет! – замахал руками Лойкот. – Я собственными глазами видел его клыки! Они длинные, как ты сам, Маниоро, и толще твоей головы!

В подтверждение своих слов пастушок показал на руках, какие именно бивни у «его» слона.

Маниоро рассмеялся:

– Бедненький Лойкот! Тебя, наверно, укусила мясная муха, а от их укусов в голове заводятся червяки. Я попрошу Маму приготовить отвар, чтобы прочистить тебе живот и прогнать дурные сны.

Лойкот сердито посмотрел на старшего товарища:

– Может, не слон, а ты, Маниоро, состарился и раскис. Может, это у тебя сварились мозги. Надо было оставить тебя на горе Лонсоньо – пить пиво с полоумными друзьями.

– Пока вы тут пререкаетесь, слон уходит все дальше, – вмешался Леон. – Берите след, а спор рассудим, когда у нас будут бивни, а не только отпечатки на песке.

Едва только след вывел их из высохшего русла в открытую саванну, как стало ясно, что появление людей встревожило старого великана.

– Убегает, – заключил Маниоро, указывая на оставленные громадными ногами вмятины.

И верно, длина шага увеличилась, слон перешел на рысь, набрав примерно такую же скорость, что и бегущий человек. Все знали, что двигаться так он может от рассвета до заката, без остановки.

– Идет на восток. Думаю, направляется в пустыню Ньири. Люди там не живут, а добывать воду умеет только он один, – заметил Маниоро после первого часа преследования. – Если не сбавит, то к завтрашнему утру углубится в пустыню.

– Не слушай его, М'бого, – вступил Лойкот. – Старикам всегда видится худшее. Сунь им под нос цветок кигелии, они все равно морщиться будут.

Через час взяли короткую паузу – отхлебнули по глотку из фляжек, перевели дух.

– Как шел, так и идет, не сворачивает, – сказал Маниоро. – И ни разу не остановился. Он уже опережает нас на несколько часов.

– Этому старику не угодишь, – ухмыльнулся Лойкот. – Положи цветок кигелии меж бедер юной девы, он и тогда нос кривить будет. Не слушай его, М'бого. Держись за мной, и еще до рассвета я покажу такие клыки, что твое сердце преисполнится радостью.

След уходил все дальше и дальше, и никаких перемен в нем охотники не замечали. Прошел еще час. И еще. Уже и Лойкот не выказывал бодрости. На следующей остановке, когда они, утолив жажду, растянулись на несколько минут в тени, никто ничего не говорил. Все понимали, что отстали и что дистанция не сокращается, как они ни старались. Леон закрутил крышку фляги и поднялся. Остальные молча последовали его примеру. Преследование продолжилось.

Во второй половине дня устроили небольшой привал.

– Была бы с нами моя мать, она бы придумала, как заставить его остановиться. Наложила бы заклятие, чтобы он проголодался. – Маниоро уныло вздохнул. – Увы, ее с нами нет.

– Может, она наблюдает за нами, – предположил Лойкот. – Она великая колдунья. Может, она услышит, если ее позвать. – Он вскочил и запрыгал на своих длинных, тонких ногах, подражая охотникам, исполняющим ритуальный танец благодарения. – Услышь меня, Большая Черная Корова. Услышь мой призыв.

Леон рассмеялся, и даже Маниоро заулыбался и начал прихлопывать в такт танцу.

– Услышь его, Мама! Услышь маленького павиана!

– Услышь меня, мать племени! Ты показала нам его следы, а теперь сделай так, чтобы он не ушел от нас. Пусть ноги его отяжелеют. Пусть живот его наполнится голодом. Сделай так, чтобы он остановился поесть.

– Довольно, на сегодня магии хватит, – вмешался Леон. – Уж теперь-то ему точно от нас не уйти. Вставай, Маниоро. Идем.

След вел все дальше на восток. Слон шел так быстро, что там, где земля была рыхлая, пыль летела вперед из-под его ног. Леон взглянул на солнце – оно сползало к горизонту. Еще час – и все следы скроет тьма. Погоню придется отложить до утра, а к тому времени слон оторвется от них миль на пятьдесят.

Глядя с тяжелым сердцем на небо, он налетел на остановившегося внезапно Маниоро. Лойкот тоже замер. С минуту оба масаи разглядывали что-то на земле, потом подняли головы и, повернувшись к Леону, подали знак – молчи. При этом оба почему-то улыбались, а глаза у них блестели. Следопыты явно оживились и забыли про усталость. Поймав вопрошающий взгляд Леона, Маниоро указал на след.

Присмотревшись, Леон понял – произошло маленькое чудо. Слон сбавил ход, его шаг стал короче, и к тому же он свернул с выбранного маршрута в сторону восточной стены долины. Маниоро протянул руку, и Леон увидел в полумиле справа рощицу ореховых деревьев нгонг. Их округлые верхушки были заметно зеленее окружающих деревьев. Наклонившись к Леону, масаи прошептал на ухо:

– Для орехов нгонг сейчас время созревания. Учуй их запах и не смог удержаться. Мы найдем его в роще. – Маниоро наклонился, взял щепотку земли, просеял через пальцы. – Ветра нет. Пойдем напрямую.

Он повернулся к Ишмаэлю и сделал знак оставаться на месте. Слуга положил на землю узел и с видимым облегчением опустился сам.

К роще двинулись втроем. Впереди по-прежнему шли масаи – осторожно, бесшумно перебираясь от укрытия к укрытию, прочесывая взглядом местность, прежде чем двинуться дальше. Добрались до первого дерева. Земля под ним была усеяна опавшими орехами, но на ветках еще оставалось много незрелых. Слон стоял здесь какое-то время, собирая твердые плоды хоботом и отправляя их в рот. Двинулись дальше. Следы вели к следующему дереву, где картина повторилась. Однако потом великан направился к неглубокой ложбине, из которой торчали только верхушки деревьев. Подкравшись ближе, охотники осторожно высунули головы над краем лощины...

И сразу увидели громадного черного слона, стоявшего под большим деревом примерно в трех сотнях шагов от них. Переминаясь с ноги на ногу, лениво обмахиваясь ушами, положив хобот на левый, единственный видимый бивень, животное, похожее, отдыхало. Второй бивень был полностью скрыт массивным туловищем, но Леон о нем даже не думал – он все еще не мог поверить в то, что видел. Таких размеров могла бы, наверное, достигать мраморная статуя из какого-нибудь греческого храма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.